

ЛЮБОВЬ ЛИТОВСКОЙ КНЯЖНЫ

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ

Ожившие предания

Александр Прозоров

Любовь литовской княжны

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31

ББК 821.161.1-31 ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Прозоров А. Д.

Любовь литовской княжны / А. Д. Прозоров — «Эксмо»,
2018 — (Ожившие предания)

ISBN 978-5-04-096819-0

Юный князь Василий, преодолевший тысячи верст на пути домой, попадает в Тракайский замок, где выказывает дружеское расположение литовскому князю Витовту. Визит оборачивается встречей с прекрасной Софьей, дочерью хозяина замка, которая с первого взгляда очаровывает знатного гостя. Несмотря на препятствия в виде соперницы и приказ литовского короля, который запрещает княжне выходить замуж, она не отчаивается и... борется за свое счастье так, как умеет. Но как быть молодым, если их брак не одобрит и отец Василия, сам Дмитрий Донской?

УДК 821.161.1-31

ББК 821.161.1-31 ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096819-0

© Прозоров А. Д., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
Часть первая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Дмитриевич Прозоров

Любовь литовской княжны

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Прозоров А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Пролог

26 октября 1382 года¹

Москва-река в среднем течении

В русские земли успела прийти зима. Деревья на берегах потеряли листву, взамен которой их ветви распушились легкой изморозью; стоячая вода под берегом, над омутами и между листьями кубышек покрылась прозрачной корочкой, но самое неприятное – наледью прочно прихватило бечевник, оставшийся влажным лишь в самых солнечных местах. Тропа стала скользкой до полной непроходимости, бурлаки падали с ног и съезжали в реку даже без каната, а потому тянуть ладью были неспособны. Пришлось пробиваться против течения на веслах – медленно и нудно, упрямо отвоевывая у воды версту за верстой.

Обнаженные по пояс гребцы меняли друг друга на банках каждые четверть часа. Отработавшие смену мужчины без сил падали на мешки и узлы, сложенные возле бортов, и, несмотря на мороз, обтекали потом. Отдышавшись, брели на корму, жадно пили из ведра ледяную воду, снова падали на спину и закрывали глаза – чтобы через полчаса опять вернуться на гребную банку и изо всех сил навалиться на черную влажную рукоять...

Никто не жаловался. Поздняя осень коварна, и любая ночь способна обрушиться на путников трескучим морозом, каковой превратит реку из торного пути в неодолимую преграду. Если ледяные мостики перехватят стремнину даже в редких местах – пробить их окажется не так-то просто. На веслах, да против течения – даже через корку в палец толщиной кораблю уже не пройти. Зимовать же на диком берегу вдали от родного жилья никому из корабельщиков совсем не улыбалось. В этом году ласки от русских людей татарам явно не дожждаться. Оказавшись надолго в их власти, нетрудно и вовсе сгинуть, и следов никаких среди темных безлюдных чащоб не останется.

– Москва... – внезапно произнес кормчий, укутанный в овчинный тулуп. Смуглый старик с морщинистым безволосым лицом повел плечами, облегченно поцеловал ноготь большого пальца, резко отвел его в сторону и повторился: – Москва!

Отдыхающие гребцы резко подняли головы, многие даже встали – однако ничего интересного окрест не заметили. По берегам тянулся все тот же низкий и густой заиндевший осинник, похрустывал от расходящихся волн тонкий ледок, шелестел меж ветвей слабый ветер.

Через несколько мгновений у стоящей на корме небольшой надстройки, обитой кошмой и увенчанной посередине начищенным медным навершием, распахнулась дверь, на палубу вышел широкоплечий мужчина лет пятидесяти на вид, среднего роста, с окладистой рыжей бородой, острым носом и ясными голубыми глазами. Голову его украшала остроконечная шапочка, сверкающая золотой вышивкой, на плечах лежала соболья, крытая парчой шуба, распахнутая на груди. Разошедшиеся полы открывали взглядам корабельщиков стеганый халат из драгоценного, синего с розами шелка. Бархатные шаровары уходили в красные сапоги мягкого войлока с загнутыми вверх носками, украшенными вдобавок серебряными наносниками. Опоясывал мужчину широкий ремень, весь сверкающий от золотых с рубиновыми вставками накладок, полированной пряжки с изумрудом, множества золотых клепок на поясной сумке,

¹ Здесь и далее все даты даны в современном формате, дабы читатель не мучился с постоянным вычитанием 5508 лет, различающих летосчисления «от сотворения мира» и «от рождества Христова».

что складывались в замысловатый узор, похожий на арабскую вязь; ножны сабли и косаря матово белели резными накладками из слоновой кости, а рукояти желтели солнечным янтарем. Весь облик путника доказывал, что в путешествие в столь неурочную годину отправился не просто знатный и богатый человек – а воин невероятно знатный и богатый.

– Почтение и повиновение, мурза Карач, почтение и повиновение! – Сидевшие гребцы склонились в поклоне, лежащие встали на колени, ткнувшись лицом в тесовую палубу.

Не обращая на них внимания, мурза прошел на нос ладьи и остановился там, закинув руки за спину. И, словно бы испугавшись прогневать властного гостя, Москва-река вильнула у длинной травяной отмели, леса шарахнулись в стороны – и за излучиной пред взорами корабельщиков раскинулись просторные луга, пусть и прибитые морозом, черные грядки огородов, редкие низкие стожки, а далеко впереди, примерно в двух верстах, широкой белой полосой с золотистыми луковками сверху предстала богатая и великая Москва, столица великого князя Дмитрия Ивановича.

Близость последнего на долгом пути причала взбудрила гребцов. Весла стали взмахиваться чаще, врезаться в воду со свежей силой, и уже через час одинокая ладья прошла под самыми стенами города, сложенного из белого известняка, под черными жерлами пушек и хмурыми взглядами одетых в кольчуги караульных, опирающихся на длинные рогатины.

Мурза Карач, не проявляя спешки, оглянулся через плечо. Убедился, что на корме стоит воин с его бунчуком – два седых волчьих хвоста и коричневый пучок лошадиного волоса между ними – под бронзовой звездой, украшающей длинное копейное древко. Проверив, что все в порядке, путник чуть скривился и опустил ладони на пояс, заправив за него большие пальцы рук и разведя плечи. Он знал – прямо сейчас, в эти самые минуты, где-то там, в крепости, бегут со всех ног вестники, дабы сообщить князю Дмитрию Московскому о прибытии на Русь ордынского воеводы. И потому гость северных земель вел себя так, как и надлежало выглядеть прибывшему в столицу поверженного врага полномочному послу великого и непобедимого царя Тохтамышша: спокойно и уверенно, излучая снисходительность и безмятежность. Мурзе Карачу нечего было бояться в русских землях. Ведь его защищала не сабля на поясе и не копьё нескольких телохранителей, а вся мощь великой степной державы, стоящей за его плечами!

Ладья приткнулась к причалу, что выступал в реку сразу за оборонительным рвом, двое корабельщиков спрыгнули на жердяной помост, торопливо примотали канаты к причальным быкам, бросили на борт сходни. По ним царский посол спустился с корабля, первым сойдя на берег. Поднялся на крутой склон, остановился там, оглядываясь по сторонам.

Несмотря на то что со дня ухода ордынской армии миновало всего два месяца, никаких следов войны мурза нигде не видел. Чистенькие стены белокаменной крепости без следов грязи и копоти, золотистые шатры над башнями, широкие подъемные мосты у ворот. И далеко окрест – многие десятки, если не сотни таких же беленьких срубов под двускатными крышами, крытыми свежей влажно-белой дранкой. Все вокруг пахло едкой смолой, влажной свежестью и немного – луком и соленьями. Словно бы и не случилось здесь никакого разорения, сражения и штурма, словно бы и не сжигали русские горожане своих посадов, дабы лишить вражескую армию крова и материала для осадных работ.

Душу ордынского посла кольнула зависть: небеса были слишком милостивы к русским! Они одарили их всем: полноводными реками для путешествий, рыбалки и водопоев, густыми лесами, позволяющими в считанные дни строить крепости и целые города взамен уничтоженных либо возводить твердыни просто по княжеской прихоти. Одарили бездонными болотами, полными драгоценной железной рудой и глиной для домниц, в которых сия руда превращалась в железо. Небеса щедро одарили русских всем тем, о чем в его родных степях можно было только мечтать: водой, домами, оружием... Всем тем, что татарам удавалось добывать токмо арабским серебром либо мучениями, отвагой и большой кровью.

В этот раз степнякам все-таки удалось пройти по русской земле огнем и мечом, гневом и разорением. Интересно, смирятся ли местные жители перед обрушившейся на них неодолимой силой? Склонят ли головы перед великим Тохтамышем, потомком Солнца, царем Волжской и Заяцкой Орды? Признают ли власть непобедимого царя, согласятся ли заплатить за мир? Насколько князь Дмитрий Иванович страшится нового разорения и как сильно желает покоя?

Мурза Карач покосился на мост, опущенный от Фроловских ворот через широкий ров.

Великий князь, несомненно, уже знал о его прибытии. Выйдет ли он сам, дабы поклониться посланцу ордынского царя, или пришлет кого-то из своих слуг? Пригласит ли к себе отдохнуть после долгого пути или просто проводит до Ордынского подворья? В посольском деле важна каждая мелочь! Коли правитель спешит первым поклониться царскому послу – значит, полностью сломлен случившейся бедой, страшится ее повторения и ради мира готов согласиться на любые условия. Целовать крест на верность, платить дань, выходить на службу. Именно сего в таком случае на переговорах требовать и следует. Коли князь присылает слуг, бояр – выходит, стремится сохранить честь и достоинство и вполне способен взять в руки меч ради их защиты. Такой на службу не согласится, но дань платить станет. Что до клятвы верности – то это уж как переговоры сложатся...

Посол посмотрел на небо, плотно затянутое белесой дымкой, позволил упасть на лицо нескольким крохотным снежинкам, изредка соскальзывающим с небес. Покосился на мост.

Но тот оставался пустым.

Зашелестела мерзлая травка, рядом с мурзой остановился бритый воин, одетый в крытый цветастым атласом стеганный халат, с опущенной горностаем железной мисюркой на голове. Алые сапоги, ножны с резными костяными накладками и поясная сумка с сандаловыми палочками вместо застежек. Одевание вроде скромное – но недешевое. Мурза Карач следил за этим лично, ибо по внешности телохранителей судят о достатке их хозяина. Коли дом богат – то в нем даже самый последний раб не бедствует.

Воин шумно ударил древком бунчука о мерзлую землю и замер рядом с господином.

Посол опять покосился на мост. Крылья его носа шелохнулись, мурза вздохнул чуть глубже – однако в остальном продолжал сохранять внешнее спокойствие. Ведь ничего оскорбительного покамест не случилось. Гость только что прибыл, сошел на берег. Теперь разминает ноги, осматривается. Ожидает, пока слуги выгрузят его багаж. Обычные хлопоты любого путника...

Мурза Карач снова посмотрел на мост, пригладил ладонью бороду – и нервно передернул плечами.

Даже если великого князя нет в Москве – кто-то ведь должен выразить свое уважение ордынскому послу! Иначе это выйдет совсем уже полное пренебрежение, граничащее с поруганием!

Наконец послышался конский топот – но на мосту появилась вовсе не делегация русских бояр, а одинокий всадник в халате и округлой меховой шапке, ведущий в поводу двух оседланных скакунов. Спешившись в десятке шагов перед послом, слуга низко поклонился, подошел ближе, опустил голову снова:

– Мое почтение, досточтимый мурза! Долгие тебе лета, здоров...

– Князь Дмитрий в городе? – перебил татарина посланник всемогущего Тохтамыша.

– Да уж месяц безвылазно сидит, досточтимый мурза, – воин приложил ладонь к груди, словно бы клялся в своих словах. – Восстановлением столицы занимается, мертвых поминает, снаряжение ратное подвозит.

– Месяц, выходит... – Татарский посол уже откровенно скривился.

В любом другом случае мурза Карач просто развернулся бы и уехал, не входя в ворота.

Коли правитель не боится войны – пусть получает войну!

В степи достаточно храбрых воинов, хватит вразумить любого непокорного бунтаря!

Но, увы, царь Тохтамыш прислал его сюда, в Москву, заключать мир – а не искать новых ссор! Правителю Волжской и Заяцкой Орды были нужны беляны² и оружие. И то, и другое русские изготавливали долгими мирными месяцами – и потому никаким, даже самым удачным набегом добыть всего этого было невозможно. Только покупать, заверяя северян в своей вечной и искренней дружбе.

Будучи умным и дальновидным властелином, Тохтамыш и вовсе не стал бы воевать с Русью. Однако пять лет назад великий князь Дмитрий Московский сам, своею волей, первым напал на Орду³ и захватил Булгар. Взяв в татарских землях богатую добычу, северянин присвоил себе весь прикамский улус и посадил на Волге своих мытарей. Стерпеть подобной обиды и унижения полновластный царь, понятно, не мог – и этим летом вернул захваченные русскими земли обратно, попутно наказав виновника грабительским набегом...

Но теперь Орде требовался мир! Каковой и надлежало добыть ему, полномочному послу Карачу...

– Я привел лошадей, досточтимый мурза... – с поклоном прервал затянувшееся молчание здешний слуга.

Посол в задумчивости кивнул, медленно прошел к одному из скакунов, поднялся в седло. Следом, на вторую кобылку, спешно запрыгнул воин с бунчуком. Мурза тронул пятками коня и повернул к мосту.

Ордынское подворье находилось почти сразу за Фроловскими воротами, по правую руку. Тын из бревен в ногу толщиной отгораживал от посторонних глаз хоромы в три жилья высотой, две конюшни да три амбара для разного добра: отдельно для рухляди, отдельно для хлеба, отдельно для прочих припасов. Здесь обитали ордынские стряпчие, присланные на Русь по той или иной надобности, татарские купцы, обычные путники и, понятно, приезжающие в Москву знатные посланники. От причалов до ворот двора было от силы три сотни шагов, если не менее – но тут дело заключалось не в расстоянии, а в достоинстве. Не должен знатный мурза ходить по улице пешком! Хоть сто верст, хоть сто шагов – но путешествовать надлежало верхом.

Продолжая размышлять над поведением московского князя, посол степенно проехал по мосту, не глядя на отвернувшихся стражников, по толстому тесу настила, положенного внутри крепости поверх земли, миновал широко распахнутые створки подворья. Натянул поводья и пригладил свою любовно вычесанную бороду, думая над ответными действиями.

Итак, первую схватку великий князь Дмитрий у него выиграл! Встречать ордынского посла не вышел – давая знать, что готов к продолжению войны. Выходит, клятву верности или дань просить у него бесполезно. Все равно получить не удастся – токмо опозоришься многими прямыми отказами. Если невозможно истребовать большого – значит, придется добиваться малого.

Посол уже понял, что первыми русские не поклонятся. И чем дольше мурза станет ждать их посылного – тем глупее будет выглядеть, когда в конце концов придется переступить через свою гордость. Посему правильнее всего начать игру первым, выдавая вынужденную уступку за простую торопливость.

– Скачи в княжеский дворец, воин! – повернулся ко встретившему его слуге мурза Карач. – Скажи, в столицу великого князя Дмитрия Ивановича прибыл мурза великого и непобедимого царя Тохтамыша, каковой желает скорейше его видеть! Хотя нет, постой... – Татарин немного поколебался, размышляя. Спешился, бросил поводья кому-то из дворни, отер подбородок, но решил ничего более к своему посланию не добавлять. Хлопнул скакуна по крупу и кивнул: – Скачи!

² Беляны – огромные «корабли», до двух сотен метров в длину и полусотни метров в ширину, собранные из строительных материалов (белого дерева). С древних времен и вплоть до середины XX века строились в лесистых верховьях Волги и в половодье сплавлялись вниз по реке. В степных районах их полностью разбирали и продавали местным жителям.

³ «Булгарский поход» 1376 года дружин московской и суздальской под командованием воеводы Боброка.

Мурза Карач усмехнулся, пригладил бороду: пусть теперь у русских голова болит – как проявить учтивость к знатному, но враждебному гостю, не уронив при том своей княжеской чести.

– Баню, пирогов, хмельного меда и квасу в парную! – распорядился мурза в сторону суеющихся слуг и устало потянулся.

Он знал, как хорошо умеют отдыхать русские, и раз уж его занесло в сии северные чащобы – мурза намеревался в полной мере получить все возможные удовольствия!

* * *

Расчет бывалого дипломата оказался точен.

Московский князь достаточно ясно показал, что готов продолжать войну до победного конца – однако до прямой грубости не унизился и даже прислал к ордынскому послу слугу, каковой побеспокоился от имени Дмитрия Ивановича насчет здоровья гостя после долгого пути, пожелал ему хорошо отдохнуть, а также передал бочонок хмельного меда и крупного, целиком запеченного оленя от княжеского стола мурзе Карачу – угоститься с дороги.

Посол в тот же день отдался большим коробом сладкого полупрозрачного персидского баслюка и рассыпчатой бухарской халвы – сладостями, для Руси редкостными, привозными.

После чего говорить об унижениях, причиненных русским князем ордынским гостям, стало бессмысленно. Какие обиды, коли правитель и посол подарками обмениваются, здоровьем беспокоятся и уважительные послания друг другу посылают?

Может статься, именно поэтому великий князь не стал мурыжить татар долгим безвестным ожиданием – и уже пятнадцатого ноября мурза Карач, облаченный в драгоценный халат, крытый изумрудным шелком и опушенный соболем, а также в синюю чалму, украшенную страусиным пером и усыпанную крупными самоцветами, вошел по цветастым персидским коврам в просторную посольскую палату великокняжеского дворца, щедро залитую солнечным светом, что струился сквозь большие слюдяные окна.

Дмитрий Иванович, великий князь московский, выглядел совсем молодо, не больше тридцати лет на вид. Широкое лицо с мягкими чертами, синие глаза, черная борода, расчесанная на два хвоста с заплетенными на кончиках косичками. Волосы прятались под остроконечной войлочной шапкой, сплошь состоящей из золотого шитья, на широких плечах лежала пурпурная мантия, из-под которой выглядывала коричневая бархатная ферязь. Великий князь восседал на резном троне из красной вишни, поднятом на пьедестал из трех ступеней, и явно не собиравался спускаться ордынскому послу навстречу.

Мурза остановился в нескольких шагах перед московским правителем, с усмешкой скользнул взглядом по богатой княжеской свите, стоящей по сторонам и чуть позади трона: угрюмые бородачи в плащах и с мечами на поясе напряглись, словно бы намеревались вступить в битву с тремя безоружными татарами! Мурза Карач улыбнулся, сделал еще шаг, приложил ладонь к своему сердцу и чуть склонил голову.

– Мой повелитель, храбрый и непобедимый царь Тохтамыш прислал меня к тебе, великий князь, дабы поведать о великой горести, – негромко начал посол тщательно продуманную речь. – Больше века, со времен великого царя Батыя, внука Солнца, между нашими державами не случилось ни войн, ни ссор, ни разногласий. Несокрушимые нукеры великой Орды всегда с готовностью приходили на помощь русским князьям, защищая ваши земли от нападения врагов или поддерживая законных правителей супротив бунтовщиков и изменников. Мы испокон веков помогали вам, вы помогали нам. И чем крепче была наша дружба, тем острее стала обида моего царя, когда он услышал о том, как ты, великий князь Московский, внезапно ворвался в земли Волжской Орды и отторг под свою руку Булгарский улус, убив при том множество татарских воинов и вывезя в Москву все тамошние пушки!

– Мне непонятна обида твоего господина, мурза Карач, – опустив руки на подлокотники, вскинул подбородок князь Дмитрий. – Ведь когда я вторгся в волжские пределы, он еще не носил царского титула. Ордою правили люди, каковых Тохтамыш самолично называл самозванцами! Посему своим миролюбивым походом я всего лишь избавил Булгарский улус от незаконной власти, даровав дружескому булгарскому народу свое покровительство и защиту.

Многоопытный дипломат даже улыбнулся от восхищения, услышав столь изящную, совершенно безупречную отговорку!

Разумеется, все отлично понимали, что в словах московского правителя ложью является все, от первого до последнего слова! Великого князя ничуть не беспокоили ни покой булгарского народа, ни законность правления ордынских царей. Князь Дмитрий просто ощутил в себе достаточно сил, чтобы разгромить Орду – а потому взял меч и оттяпал себе столько чужих владений, на сколько хватило желания. И тем не менее придаться к его ответу было невозможно. Дмитрий воевал ровно с теми же самозванцами, с каковыми сражался и сам Тохтамыш. Так какие в сих обстоятельствах могут быть попреки?!

Однако...

– Однако, великий князь, – вскинул голову татарский посол, – ныне законный правитель Орды, праправнук Батыея и потомок Солнца, взошел на свой наследный трон! Все права на царский титул и ордынские земли принадлежат ему, моему господину, непобедимому и премудрому Тохтамышу!

В посольской палате наступила тишина.

Московский правитель промолчал – и мурза Карач облегченно перевел дух.

Князь Дмитрий Иванович явно не собирался оспаривать ни титула царя Тохтамыша, ни его прав на Булгарский улус. Похоже, готовность русских воевать ограничивалась их стремлением сохранить свою честь и свои собственные, отчие владения. Они желали сохранить свое – и после случившегося разгрома больше не искали чужого. А значит – ничто не мешало заключению между обеими державами прочного и долгого мира.

– Из уважения к нашим отцам и дедам, великий князь Дмитрий, к их долгой дружбе и вековому союзу, – в этот раз посол поклонился куда ниже и почтительней, – мой господин готов простить случившиеся обиды. Недавние войны стали нарушением древних обычаев. Они достались нашим державам в наследие от самозванцев, пробравшихся на ордынский престол. Нужно остановиться, пока вражда не стала непримиримой. Пусть на наши земли вернется мир! Царь Тохтамыш готов прежним порядком покупать на Руси оружие и иные товары и оказывать тебе ратную помощь, коли ты обратишься к нему с подобной просьбой. Мой господин готов забыть возникшее непонимание и вернуться к прежней дружбе, если ты поступишь так же, великий князь Дмитрий Иванович!

В посольской зале снова воцарилась тишина. Московский правитель размышлял. Однако – совсем недолго.

– Мир всегда лучше войны, а дружба лучше ненависти, – пригладил подлокотники великий князь. – Да будет так! Коли царь Тохтамыш готов забыть обиды и вернуться к прежней дружбе, я согласен поступить точно так же. Пусть на волжские земли вернется мир!

– Мой господин будет рад твоему выбору, великий князь, – приложил ладонь к своему сердцу мурза Карач. – К сожалению, царь Тохтамыш совсем не знает тебя, Дмитрий Иванович, и не ведает, насколько твердо твое слово. Но это совсем несложно исправить. В богатом и многолюдном Сарае, столице великой Волжской Орды, проживают лучшие ученые и воспитатели обитаемого мира, лучшие арабские каллиграфы и христианские священники. Если ты прилетишь туда на воспитание своего сына Василия, то мой повелитель с радостью примет сего гостя. Общение с твоим наследником поможет царю лучше узнать тебя и твою семью. Твой сын получит хорошее образование, а отношения наших держав снова обретут прежнее доверие и близость. Столь же тесные, каковыми они были при наших отцах и дедах.

Посол поклонился совсем уже низко и улыбнулся как можно доброжелательнее.

Как и в большинстве случаев, дипломатическая речь имела вовсе не тот смысл, что несли прозвучавшие слова. Устами своего посла ордынский правитель сообщал, что не доверяет обещаниям русского князя, однажды уже нарушившего сложившийся веками мир. И потому, в качестве гарантии твердости нового договора, Тохтамыш требовал к себе в Орду надежного заложника. Старшего сына московского правителя Дмитрия Ивановича.

Мурза Карач понимал, что великому князю понадобится время на обдумывание подобного условия. Посему, не дожидаясь ответа, он еще раз учтиво поклонился и вместе со своей скромной свитой покинул посольскую палату.

21 ноября 1382 года

Москва, Кремль

Своего сына великий князь нашел по громкому детскому смеху, что раскатывался по всему дворцу, доносясь из внутреннего дворика. Мальчишки играли там в «шапки» – носились друг за другом, пытаясь сбить с голов меховые треухи с завязанными наверх наушами.

Несмотря на веселую беззаботность баловства, игра имела важное воспитательное значение, приучая будущих воинов тщательно оберегать голову, угадывая опасность, с какой бы стороны она ни угрожала, – и потому оба дядьки, приставленные к княжичу для воспитания, не вмешивались в ребячью забаву, отдыхая на сваленных под стеною березовых чурбаках.

Когда князь появился в дверях, один из отроков, встав на четвереньки, крутился и громко гавкал. Собравшиеся вокруг мальчишки громко хохотали и трясли над ним горностаевым комком. Одеты только в рубашки и ферязи – длинные, до колен, богато расшитые дорогие безрукавки, – паренки покраснелись, дышали горячим паром и явно не ощущали опустившегося на Москву мороза.

– Держи! – Сотоварищи бросили проигравшему его меховой треух и тут же прыснули в стороны, на ходу пытаясь сбить ушанку с подвернувшихся поблизости друзей. Игра началась снова, и теперь больше не зевай! Нырять, уворачивайся, отскакивай, крути головой во все стороны – и сразу лупи по макушке любого зазевавшегося. В сем баловстве титулы не в чести. Гавкать приходится любому, за званием от проигрыша не спрячешься.

Дмитрий Московский остановился и невольно улыбнулся, наблюдая за детьми и вспоминая свою, столь же беззаботную юность. Шапки, пастила, соколиная охота, прыжки через костер в ночь великой Купавы, прятки в камышах во время жарких русалий... Знал бы он тогда, чего лишается и какие заботы обретает, всходя на вождельный русский трон! Предложили бы сейчас вернуть все по-прежнему – не колебался бы ни единого мига!

Но увы – детства не вернуть. И все, что может сделать отец для своего ребенка, – так это подарить ему то счастье, каковое сам испытал в малые годы...

От последней мысли настроение Дмитрия Московского тут же испортилось, и он громко кашлянул.

– Великий князь! – прозвучали сразу несколько голосов.

Игра оборвалась. Мальчишки зачем-то шарахнулись в стороны – словно мальки от щуки – и только потом склонились в поклоне.

Оба дядьки вскочили с дровяных чурбаков и тоже согнулись в поясе.

Властитель Москвы подошел к паренку в синей ферязи, ростом едва достающему ему до груди, снял с него рысью шапку, растрепал влажные русые кудри:

– Ишь как взмок-то! Сколько раз гавкал?

– Дважды, батюшка, – недовольно нахмурился мальчонка лет десяти на вид и выпятил губы.

– Какие твои годы... – вернул шапку на место великий князь. – Пока не саблей сбивают, можно и потренироваться... – Дмитрий Иванович тяжело вздохнул, кивнул на ворота: – Пойдем со мной, сынок.

От дровника, слегка прихрамывая, к княжичу поспешил Копуша и набросил на плечи мальчика подбитый горностаем плащ.

Для дядьки он выглядел молодо – ни в рыжей бороде, ни в каштановых волосах еще не пробилось и признака седины. Однако в ноге Копуши оставила когда-то широкий глубокий шрам новгородская стрела, три ребра сломала тверская булава, челюсть изуродовала литовская сабля. Посему этого своего холопа – хрипящего, с трудом евшего и быстро устающего – князь в походы больше не брал. Однако, снисходя к храбрости и преданности умелого воина и зная его ратное мастерство, Дмитрий Иванович приставил слугу к старшему сыну воспитателем.

– Вот, чадо, – оправил плащ дядька. – А то как бы не простудился, распаренный-то.

Князь кивнул и предупредительно вскинул руку, давая знать, что желает остаться с сыном наедине. Однако, с чего начать разговор, не знал – и поначалу просто пошел рядом с княжичем по крепости. Так, неспешно, они дошагали до сложенной из крупных известняковых плит южной стены, поднялись наверх к Боровицкой башне, перед которой уж много лет не шумело никаких боров. Остановились возле одного из зубцов, оба посмотрели наружу, хотя и по разные стороны от боевого укрытия.

– Царь Тохтамыш предлагает нам заключить мир, сынок, – наконец проговорил великий князь.

– Разве это плохо, отец? – Мальчишка нутром ощутил неладное в голосе Дмитрия Ивановича.

– Это хорошо, – столь же мрачно ответил великий князь. – Сим летом татары сожгли четыре пороховые мельницы из шести, уничтожили почти все маслобойные фабрики, переломали половину кузниц и железоварочных мастерских, не считая прочего убытка. Теперь года три придется все это восстанавливать. Мельница не изба. Плотину, колесо, привода, механизмы за день не срубишь. Дабы вернуть прежние доходы, нам надобен мир.

– Но ведь Тохтамыш на него согласен, батюшка! – еще больше удивился тревоге отца паренек.

– Ордынский царь очень желает сговориться о вечном мире и дружбе, Василий, – вздохнул Дмитрий Иванович. – И в знак своего расположения он приглашает тебя к себе в гости. Обещает почет и уважение, самое лучшее мектебе⁴ ойкумены, самых мудрых учителей обитаемого мира, самых знатных друзей.

– Если между Ордой и Русью случится новая война, он отрежет мне голову, отец! – чуть ли не выкрикнул мальчик, сразу уловив самое главное в сем приглашении.

– Вася... – Князь на несколько мгновений прикусил губу, затем признал: – Если я не отпущу тебя в Орду, Тохтамыш никогда не поверит моей клятве о вечном мире!

– Ну и пускай! – горячо выкрикнул одиннадцатилетний отрок. – Тохтамыш не столь силен, как хочет казаться! Вспомни, он смог взять токмо Переяславль да Звенигород! В Москве же он стен не одолел, сломался! Его впустили предатели!

– Посмотри туда, сынок, – обнял княжича за плечо Дмитрий Иванович и указал другой рукою вниз. – Видишь эти новые дома, Василий? Готовясь к осаде, воевода Ольгерт сжег все посады. Теперь их приходится отстраивать заново. Округ города снесены все слободы, порушены причалы, сломаны заколы, утоплены ладьи. И так округ всех крепостей, возле которых побывали степняки. Все фабрики и мастерские стоят на реках. Мельницы не люди и не скот,

⁴ Мектебе – учебное заведение, школа.

их невозможно спрятать за городские стены. А еще опустошению предаются поля, деревни, путевые амбары... Война хороша только на чужих землях, сынок! Когда она приходит к тебе в дом, то это сплошное разорение, даже если ты победишь всех своих врагов.

– Отец, мне отрежут голову! – снова закричал княжич. – Как ты не понимаешь?! Даже если ты хочешь мира, война может случиться против твоей воли!

– Только не между нами, – покачал головой великий князь. – Не между Ордой и Русью. Царь Тохтамыш, едва взойдя на престол, ухитрился поссориться со своим покровителем, эмиром Тамерланом. Это два могучих правителя, равных своими силами. Между ними случится тяжкая война, уже началась. И она растянется на много лет. Орде нужен твердый, надежный тыл. Им нужно, чтобы мы не ударили в спину, им нужно оружие, которое куется из нашей руды, им нужны припасы, каковые можно купить только у нас. Тохтамышу очень нужен мир с Русью, и он не позволит разгореться серьезной войне из-за каких-нибудь копеечных убытков или мелких порубежных стычек! На ближайшие десять-пятнадцать лет он совершенно точно станет самым безопасным нашим соседом.

– Коли так, то это ты должен требовать от ордынцев заложника! Этот мир намного нужнее им, чем нам!

– Именно поэтому, из-за того, что мир нужнее им, Тохтамыш и желает иметь твердую уверенность в моей клятве, Василий, – вздохнул Дмитрий Иванович. – Мой обман станет для него смертельным. Удара с двух сторон Орда не выдержит. Тохтамышу нужна полная надежность в моем миролюбии!

– Нам-то что до его тревог, батюшка? – княжич повернулся лицом к отцу. – Пусть боится!

– Ты слишком молод и прямолинеен, Васька, и не замечаешь даже того, что лежит на поверхности, – укоризненно покачал головой великий князь. – Тохтамыш пришел к нам за миром потому, что ему надобно развязать руки на севере для войны на юге. Но если он не получит желаемого, то вполне способен поступить ровно наоборот. Выпросить перемирия у эмира и обрушиться всеми силами на нас. И тогда минувший летний набег покажется нам невинной шалостью! У Тохтамыша освободятся силы, каковые летом сдерживали Тамерлана, и его армия увеличится втрое. Он сможет нападать постоянно, год за годом, пока не разрушит все! Даже если мы выстоим, через несколько лет Русь будет лежать в руинах, бессильная и окровавленная. Безопасная даже для нурманов и чухонцев. Так или иначе, но Орда добьется своего. Скажи, сынок, разве второй путь нравится тебе больше, нежели мир сейчас, когда наша держава сильна, многолюдна и обильна? Зачем нам проливать свою кровь, если есть возможность стравить двух опасных для нас зверей между собой? Отойти в сторонку и посмотреть, как они загрызут друг друга до смерти? Поклянемся им в вечной дружбе, станем помогать им оружием и снаряжением! Война всегда хороша, когда она идет на чужой земле. Просто подождем, когда степняки ослабнут от драки, а потом придем и заберем все, чего только пожелаем. Всю обитаемую ойкумену!

– Но в Орду придется ехать мне, а не тебе, отец!

– Ты мой сын и наследник, Василий, – напомнил Дмитрий Иванович ребенку. – Все плоды нашей победы достанутся тебе. Ты станешь повелителем всего обитаемого мира! Но добиться подобного возвышения невозможно без некоторых жертв.

– Папа, я не хочу уезжать! – мотнул головой мальчишка. – Не нужна мне вся эта дурацкая ойкумена! Я хочу остаться дома. С мамой, с тобой, с друзьями!

– Не нужна?! – вскинулся великий князь. Глаза Дмитрия Ивановича полыхнули яростью, лицо побледнело, подбородок вздернулся, на щеках заиграли желваки.

Но уже через миг лицо московского правителя смягчилось. Отец вспомнил, что перед ним стоит всего лишь малый ребенок, а вовсе не воевода или властитель. В одиннадцать лет любящий поцелуй мамочки всегда будет казаться дороже любого, самого великого царствия.

Великий князь слабо улыбнулся и положил ладонь на плечо сына:

– Конечно, Василий. Я никогда и никуда не пошлю тебя против твоей воли. – Он взял княжича пальцем под подбородок, приподнял его лицо и заглянул в глаза. – Однако ты должен кое о чем помнить, сынок. Ты не простой смертный, мой мальчик. Ты урожденный князь, будущий правитель Москвы и будущий властитель многих тысяч людей. Княжеское звание есть не только великая честь, но и великий долг. От твоих поступков, от твоих решений будут зависеть многие жизни и судьбы. Так же как и сейчас. Ты любишь своих преданных слуг, своих знакомых и друзей и желаешь остаться с ними? Но ты должен понимать, что, оставшись, ты принесешь гибель им самим и всей их родне. Ты принесешь нашей земле войну, долгую и кровавую. Разорение и беды. Мучительную смерть.

Дмитрий Иванович отпустил княжича и повернулся к слободе, опершись обеими руками на край стены. Глубоко вздохнул:

– Мне жаль, что я так рано лишаю тебя детства, сынок. Но судьба безразлична к нашим желаниям и надеждам. Завтра я спрошу твоего согласия снова, но только уже при всех московских боярах, мамках и знатных гостях из иных земель. Я надеюсь, ты ответишь мне достойно, как надлежит урожденному князю из ветви Ярославичей и наследнику московского престола. Ты понимаешь меня, княжич Василий Дмитриевич?

– Хорошо... батюшка... – полушепотом согласился мальчик и громко шмыгнул носом. – Я понимаю...

7 апреля 1383 года

Москва, Татарский причал возле Фроловских ворот

Весна в сем году выдалась поздняя. Только в середине марта лопнула ледяная корка, укрывающая реку под кремлевскими стенами, сдвинулась к излуине и собралась там в высокий затор, целую неделю перекрывавший течение реки. Вода поднялась так высоко, что плескалась даже внутри крепостных стен, в нескольких местах подняв мостовую и затопив подклеты. В слободах же – там и вовсе всплыли многие дома, снесло сараи и местами раскидало плохо закопанные частоколы.

Но однажды ночью ледяная плотина прорвалась – и уже к утру улицы стали просто раскисшими, дома всего лишь мокрыми, а Москва-река вернулась в русло, удивляя людей своею девственной чистотой. Ледоход внезапно закончился – и только редкие льдинки напоминали о том, что зима царствовала везде и всюду не так уж и давно.

Купцы, корабельщики, рыбаки принялись спускать свои посудины на воду и снаряжать для нового сезона: ставить мачты, натягивать канаты, проверять конопатку, закладывать весла, снаряжение, дорожные припасы.

Ладья ордынского посла – за зиму тоже хорошенько просмоленная, прокрашенная олифой, обновленная и похорошевшая – заплескалась на речных волнах еще в конце марта. Подведя корабль к причалу, слуги застелили его на корме коврами, в нижних светелках обили борта и перегородки кошмой, после чего без спешки загрузили носовые кладовые. Часть трюмов – из княжеских амбаров, часть – со складов Ордынского подворья.

В первые дни апреля судно уже было готово в дорогу, и седьмого числа мурза Карач первым поднялся на борт, расположившись в кормовой надстройке.

Княжич с отцом и свитой появились на причале около полудня. Трое хорошо одетых холопов стали деловито разгружать кибитку – крытый серой парусиной длинный возок. В жилые комнатки на корме переправились два крупных сундука с окованными железными полосами углами и один сундучок небольшой, обшитый медью и украшенный костяными наклад-

ками поверх лакированной дубовой древесины. И сверх того – пяток мягких тюков с какими-то вещами.

Ведь Василий Дмитриевич отправлялся в Орду вовсе не в неволю, а гостевать! И посему, само собой, снаряжился в дальний путь с вещами, одеждой и личными слугами. Да и одет был соответственно: алый шерстяной плащ с собольей опушкой, из-под которого проглядывали шитая золотом ферязь и сверкающая самоцветами пряжка ремня, а также толстая драгоценная цепь на шее. Голову мальчишки грела бобровая шапка с рубином на лбу, на пальцах сверкали перстни, на запястьях – браслеты. Издалека видно – отрок из знатного рода! Такому лучше сразу низко кланяться и постараться не дерзить.

– Надобно года три вытерпеть, сынок, – негромко сказал великий князь. – Или хотя бы два. А там видно будет...

Княжич сглотнул и тихонько кивнул.

Отец и сын крепко обнялись, постояли так несколько мгновений, отступили друг от друга.

К чему долгие расставания? Главное прощание случилось еще вчера, во дворце. На причале же Дмитрий Иванович княжича просто проводил.

Василий поджал губы и, стараясь сохранить хотя бы внешнее спокойствие, поднялся по белым широким сходням на ладью.

Корабельщики торопливо затянули на борт снятые с причальных быков канаты, гребцы толкнулись от близкого дна веслами, затем быстро заняли свои места на банках. Широкие лопасти вспенили прозрачную воду – и ладья величаво выкатилась на стремнину реки.

Ордынский посол закинул руки за спину и широко улыбнулся. Он пребывал в прекрасном настроении. В трюме ладьи находилось восемь тысяч наконечников для стрел, восемьсот копейных пик и восемьдесят великолепных булатных клинков для ордынской армии. В нижних комнатах сидели в просторных клетках два драгоценных двинских сокола, направленных от князя Дмитрия в подарок царю Тохтамышу.

Но самое главное – он вез своему господину мир, вечный мир! Самый твердый из всех возможных! Ибо его подкрепляла голова наследника московского престола...

Мурза Карач покосился на мальчишку, крепко вцепившегося пальцами в борт корабля и смотрящего на проплывающие мимо кремлевские стены. Усмехнулся, подошел к нему и встал рядом. Положил ладонь на плечо:

– Не грусти, Василий Дмитриевич. Впереди тебя ждут только радости, а вовсе не испытания, – сказал он. – В родном доме сидеть, рядом с отцом да матушкой, оно, конечно, хорошо. Но в неведомых странах, в дальних путешествиях жить завсегда интереснее! Много увидишь, много узнаешь. Сюда вернешься уже не наивным чадом, а мудрым бывалым мужем, всем прочим на зависть. Не печалься. Все, что ни делается, оно завсегда к лучшему.

Часть первая Заложник

24 августа 1385 года

Сарай, столица Волжской Орды

Княжича, сладко почивающего с головой под одеялом, разбудил переливчатый колокольный звон, которым сотни столичных церквей созывали прихожан к заутрене. Василий широко зевнул, потянулся, перекатился на край постели, зевнул снова и наконец все-таки откинул тонкое войлочное одеяло из верблюжьей шерсти.

В ордынских землях вообще чуть ли не всё было из шерсти: шерстяные постели, плащи, рукавицы и сумки; ковры на полах, кошма на стенах; войлочные попоны, войлочные штаны, сапоги, шапки, душегрейки. Даже доспехи, и те татары делали из войлока! Причем, нужно отдать должное, прорубить такую броню было отнюдь не просто. Войлок в палец толщиной держал удар не хуже легкой кольчуги. Если же надеть кольчугу поверх войлочной брони – воин становился и вовсе практически неуязвимым.

То, чего не получалось сделать из шерсти, татары мастерили из земли и шкур: лепили из глины кирпичи, каковые сушили на солнце, а потом возводили из этой сырмятины стены; крыши покрывали соломенными связками, местами же и вовсе конскими шкурами. Вот только перекрытия в домах, особенно больших, хочешь не хочешь – а сооружали из бревен, сплавленных из далекой и богатой северной Руси. И чем солиднее и знатнее хозяин, чем роскошнее его жилище – тем больше в нем было древесины. Кто-то обходился на весь дом десятком слег – только-только чтобы крыша над головой держалась, а кто-то крыл черным, пропитанным дегтем тесом всю кровлю, делал деревянное крыльцо с толстыми резными столбами из цельных бревен, да еще и полы возносил высоко над подклетью, выстилая их стругаными сосновыми досками, глянцево поблескивающими от янтарной олифы. И уж самая высшая роскошь – это окна из радужно переливающейся слюды, заправленной кусочками размером с ладонь в медные рамы и для пушей надежности залитой на стыках свинцом.

Опочивальня наследника русского престола выглядела аккурат самым драгоценным образом. Слюдяные окна – да еще и с позолотой на раме! Толстенные бревна перекрытий над головой, да еще и толстый тес под ногами – каковой, правда, выглядывал из-под многоцветного ковра только возле стен. Не просто ковра – а персидского, с высоким мягким ворсом! Кошма же на стенах была не грязно-коричневой, а складывалась в красно-сине-зеленый рисунок из крадущихся через густой лес гривастых могучих львов. Под стеной напротив постели стоял низкий столик из красного дерева на резных ножках, на котором дожидались внимания хозяина куски чуть желтоватой брынзы в фарфоровой китайской пиале и выложенные на серебряное блюдо толстые ломти алого сахарного арбуза.

Осенью в Орде арбузы заменяли все – и еду, и питье, и сласти, и соленья. Прочие кушанья рядом с ними становились всего лишь закуской.

Паренек сел на краю постели, опустил ноги в мягкий ворс и чуть пошевелил ступнями, наслаждаясь нежным прикосновением теплых шерстинок. Сладко зевнул последний раз и снова потянулся изо всех сил – аж до легкого похрустывания в костях.

– Нехорошо, Василий Дмитриевич, службы во храмах пропускать, – укоризненно пробормотал седовласый и седобородый Пестун, старший из дядек княжича, и протянул воспитаннику бархатные порты.

– Уж кто бы говорил! – усмехнулся паренек, натягивая штаны. – Сам-то вон, по сей день Перуну требы приносишь! Клыков кабаньих, глянь, штук семь уже в косяки дверные забил.

– Мне что, мое дело холопье, – пожал плечами старик и подал воспитаннику мягкие войлочные, с бисерной вышивкой на голенищах сапоги. – Распятый бог есть вера княжеская да боярская, мне она не по чину. Однако же здесь, в Сарае, люди ее любят. В церквях крестовых, вона, иной раз и вовсе не протолкнуться. Ты сын великокняжеский, на тебя все смотрят, каждый жест, каждый взгляд примечают. А ты к службам не ходишь. Нехорошо! Слухи могут пойти, что от веры отринулся. Отцу донесут, в боярах сомнения появятся...

– Что же мне, каждый день, что ли, причащаться да исповедоваться?! – возмутился Василий. – Суббота случится, тогда и схожу.

– По субботам к причастию по обязанности ходят, а не по вере, – встряхнул престарелый дядька опушенную соболем темно-бордовую ферязь из дорогого индийского сукна. – По вере же надобно и в иные дни в святилища заглядывать да молиться и жертвы богу оставлять. И хорошо бы в разные храмы-то заглядывать, дабы тот самый найти, каковой позволит самую душу открыть.

– Сам-то часто в святилища ходишь?! – опять не выдержал паренек.

– Я холоп, с меня спросу нет, – невозмутимо парировал старик. – А ты – великий князь будущий. Тебя люди видеть должны, знать. Кланяться тебе лично, прикасаться, руку целовать, суда твоего и милости просить. Верить, что помыслы твои и вера, надежда твоя с ними общие. Я понимаю, Василий Дмитриевич, дело твое молодое. В четырнадцать годков о богах небесных и душе вечной никто не задумывается. Но коли не по вере, так хоть по званию своему и долгу княжескому ты в разные храмы крестовые хотя бы раз на два дня заглядывать изволь!

С этими словами слуга протянул своему господину наборный пояс из янтарных и яшмовых пластин, с подвешенным к нему на шелковом шнуре замшевым мешочком.

Пестун считался отличным ратником еще при Иване Ивановиче, отце великого князя Дмитрия. За разумность и мастерство был поставлен дядькой при Дмитрие Ивановиче и доверие оправдал, воспитал воина умелого и правителя разумного.

В последнем, понятно, не одного холопа заслуга – однако же и дядька, неотлучно при княжиче живущий, свою немалую лепту в дело сие внес. И потому, когда у самого Дмитрия родился первый из сыновей, великий князь доверил его своему любимому учителю, давно разменявшему шестой десяток лет. И еще неизвестно, кто пользовался у московского правителя большим доверием: старый воспитатель или юный собственный сын. И чьим словам он поверит более, коли в отправляемых домой с оказиями письмах неожиданно обнаружатся те или иные разногласия.

Посему, слуга слугой – но перечить холопу княжич не стал. Молча опоясался, позволил надеть себе на шею две увесистые золотые цепи, после чего не без ехидства согласился:

– Коли в церковь проводишь, дядька, так и схожу! Одному мне ведь несолидно получится, правда?

Довольный собою Василий радостно рассмеялся, наклонился к столу, забросил в рот два кусочка едко-соленой брынзы, заел сладким, как мед, и хрустким, как капуста, арбузом, кинул в рот еще кусочек брынзы и выскочил из опочивальни. Кивнул склонившимся в поклонах Копуше – второму из дядек, – и Зухре, юной зеленоглазой и широкобедрой персидской невольнице с густыми и жесткими длинными черными волосами.

Девушка приехала не из Москвы. Ее подарил знатному заложнику царь Тохтамыш, дабы служанка следила за чистотой и порядком в комнатах гостя. Не мужчинам же, понятное дело, посуду мыть, одежду с постелью стирать да пыль и грязь вытирать?!

Миновав горницу, княжич вышел на гульбище⁵, на миг остановился, опершись на перила и подняв глаза к небу.

Огромный царский дворец, возвышавшийся в центре Сарая, состоял из шести таких вот дворов, каждый сорока шагов в длину и тридцати в ширину. От жаркого солнца их спасала виноградная лоза, что плелась по натянутым наверху веревкам, да сделанные в центре пруды с прозрачной водой. В одном из дворов в таком пруду даже плавали разноцветные китайские рыбки размером с упитанного суслика. Двери всех покоев выходили сюда, во дворы. А наружу смотрели лишь редкие окна да оборонительные зубцы, стоящие по краю крыши.

Из одного двора в соседние можно было добраться прямо по верхнему жилью через специальные коридоры – и потому спускаться вниз княжичу не понадобилось. Вскоре он точно так же сверху наблюдал за одетыми в шелка и бархат мальчишками, с криками и смехом играющими в пятнашки вокруг выложенного мрамором прудика. Вскоре появился тощий и длиннобородый ходжа Тохтан в свисающем набок, красном остроконечном колпаке, в серо-коричневом стеганом халате в клеточку и с толстым-претолстым свитком под мышкой. Учитель письма громко прокашлялся, отчего детвора сразу притихла и сбилась в кучку – и вслед за мудрецом засемила в дальний тенистый угол.

– Хорошего тебе дня, княже Василий!

– И тебе удачи и везения, царевич Джелал! – повернулся на голос сын московского правителя и чуть склонил голову.

Джелал ад-Дин, старший сын Тохтамыша, был Василию одногодком, однако успел вымахать на пол-головы выше и на ладонь больше раздаться в плечах. Русые волосы, большие синие глаза, острый длинный нос и острый подбородок с вертикальной ямочкой; алая атласная рубаша под суконной ферязью с золотым шитьем, пояс с самоцветными накладками и золотая цепь на шее, серебряные браслеты и перстни с дорогими камнями. Наследник ордынского трона выглядел столь же достойно, сколь и наследник великокняжеского титула.

– Домашнее задание сделал? – чуть понизил голос царевич.

– Да где я тут дерево найду? – развел руками Василий.

– Я тоже, – ухмыльнулся Джелал. – Мы с братьями сели на лошадей, взяли соколов и до самой темноты искали деревья, искали, искали... Искали. Нашли двух зайцев, пять куропаток и двух журавлей. Зря ты с нами не поехал, Васька.

Княжич тяжело и глубоко вздохнул, чуть поморщился:

– Самому обидно. Но надобно было грамоту отцу отписать. Оказия выдалась с тверскими купцами. Вот токмо пришлось поспешать... Ты со всеми братьями охотился?

– Не-е, Вась, – мотнул головой царевич. – Дождя почти все побоялись. Тучи, помнишь, какие гуляли? Токмо с Керимом да Кепеком.

Братьев у Джелал ад-Дина было целых восемь. Причем почти все – погодки. У всеильного царя Тохтамыша имелся очень обширный гарем, и он щедро одарял любовью всех своих жен.

– Значит, на троих? – Княжич снова вздохнул. – Славно поохотились.

– Так давай завтра еще раз птичек проветрим? Теперь уже все вместе! – с готовностью предложил царевич. – Соколам сие токмо в радость, а мне в удовольствие.

– Истрахан идет! – указал вниз Василий, и знатные мальчишки поспешили во двор.

Остальные ученики уже собрались здесь: шестеро старших сыновей царя Тохтамыша да еще около десятка отроков тринадцати-шестнадцати лет из разных знатных родов – бухарских, казанских, самаркандских, ногайских. Все они низко склонились перед премудрым муллой Истраханом, известном во всем обитаемом мире своими трактатами по географии и счислению.

⁵ Гульбище – широкий длинный балкон, обычно опоясывающий весь дом или двор.

Достойный мулла носил халат, крытый изумрудным китайским шелком, и пышную чалму с изумрудом во лбу и ниспадающим на плечо длинным матерчатым концом. Его смуглое морщинистое лицо было совершенно чистым – без усов, бороды и даже без бровей. Узкие темно-карие глаза, узкие коричневые губы, впалые щеки. И узкая длинная линейка в ладонях с тонкими пальцами.

– Кто смог измерить здешнее дерево, мелкие бездельники? – сурово поинтересовался мулла, окинув мальчишек взглядом.

– Да не растет в Сарае деревьев, учитель! – поторопился ляпнуть юный Идигу, темноволосяный сын бухарского эмира неполных тринадцати лет, и тут же получил несколько раз линейкой по голове, испуганно втянув голову в плечи.

– А умом, умом пораскинуть, бестолочь?! – громко возмутился мулла. – Нечто во всем Сарае уже и померить нечего? Ни минаретов нечего нет в городе, ни колоколен, ни куполов над святынями? Неужели неясно, что не деревья в упражнении сем важны, а старания в труде с астролябией?!

И премудрый Истрахан еще несколько раз треснул мальчишку по вышитой бисером войлочной тюбетейке.

Мулла считался добрейшим из учителей дворцового мектебе. Удары линейкой по шапкам и одежде совершенно не причиняли боли. Главное – пальцы по глупости не подставить.

А вот ходжа Тохтан бил за провинности дубинкой, оставляющей синяки даже под ферязью. И при сем развлечении Тохтан любил приговаривать, что битые во время школьного учения места после смерти воссияют в раю небесным светом, а очутись несчастные в аду – не станут гореть негасимым пламенем. И потому он, ходжа Тохтан, ныне заботится о бессмертных душах своих учеников. Остальные же учителя и вовсе, не моргнув глазом, назначали фалаку⁶ за любую провинность.

Посему премудрого Истрахана с его линейкой подростки любили и старались попусту не раздражать. Однако недавно приехавший в царский дворец круглолицый Идигу сего правила еще не усвоил.

Устав лупить бедолагу по голове, мулла развернулся, прошел в северный угол дворца и уселся на разложенных там ногайских войлочных коврах, поджав под себя ноги. Дождался, пока спешащие следом ученики разместятся перед ним, покрутил в руках линейку и спросил:

– Кто еще не догадался найти дерево для домашних измерений? – Чуть помолчал и, не дождавшись ответа, внезапно спросил: – Вот скажи, княжич Василий, как справился с заданием ты?!

– Измерил смотровую башню дворца, учитель! – с готовностью выкрикнул заложник из Москвы. – Получилось девять саженей!

– А как ты мог исчислить высоту с такой точностью, чадо, – с подозрением прищурился старик, – коли к основанию сей башни не подойти, ибо она посередине крыши воздвигнута?

– Я астролябию на посох саженной высоты поставил, учитель, и угол на высоту башни замерил. Опосля на десять саженей назад отступил и еще раз измерил, – бодро отчитался княжич. – По разнице углов получившихся удаление и определил. А по углу и удалению – высоту!

– М-м-м... – не без удивления поджал губы мулла.

– Ты чего, вправду мерил? – наклонившись к заложнику, шепотом спросил царевич.

– Зачем, Джел? – так же тихо ответил Василий. – Мне твой отец еще в первый день ее высотой похвастался!

– Смотрите и восхищайтесь, бездельники! – громко заговорил премудрый Истрахан, вскинув палец к усыпанной налитыми гроздьями виноградной лозе. – Заезжий северянин пони-

⁶ Фалака – любимая на востоке пытка в виде битья палками по ступням ног. Широко применялась за неуспеваемость в школах всех уровней. К образованию на средневековом Востоке относились очень серьезно.

мает важность древнего знания и постигает его с достойным прилежанием! В отличие от вас, крикливых ленивых бакланов! Попомните мое слово, пустоголовые чибисы, эти северяне, мудрость отцов ваших изучив, еще вами же править и помыкать вскорости станут!

– На что мне вся сия премудрость, учитель, – не выдержал царевич, – коли я всегда могу слугу с заданием послать, и он сию высоту мне в точности измерит?!

– Вестимо затем, чадо, что за высоту минаретов али башен твоя казна каменщикам звонким серебром платит, – чуть понизив тон, наставительно ответил мулла. – И коли ты излишне на слова слуг полагаться станешь, то они с легкостью сажень, а то и две к высоте припишут, а плату меж собой поделят. Либо ширину реки преувеличат и плату за лишние сажени возьмут али площадь крепости преувеличат. И потому облик властителя, самолично в астролябию смотрящего и высоты али расстояния самолично с легкостью исчисляющего, весьма сильно слугам честности добавляет, а казну бережет!

Премудрый Истрахан обвел мальчишек назидательным взглядом и вдруг спросил:

– Как определить ширину реки с помощью астролябии?

– Так же как и высоту, учитель! – снова выкрикнул без спроса нетерпеливый Идигу. – Надобно токмо набок ее положить!

Мулла резко вскинул линейку, и мальчонка втянул голову в плечи. Однако премудрый Истрахан лишь одобрительно потряс своим инструментом.

– Истинно так, сообразительное чадо! Вестимо, не иссякли еще умы в наших землях, есть еще надежда на грядущее процветание державы и славу ордынского имени! Молодец! Ну, а чтобы проще было простым смертным измерения произведенные сложить, в астролябии специальные диски имеются, каковые умножать и делить позволяют с изумительной легкостью. Сегодня я вам о них расскажу и покажу все в подробностях...

Премудростями арифметического счета с помощью астролябии мулла утомлял знатных мальчишек почти до полудня и распустил учеников лишь перед самым обедом, – успев к сему часу заметно охрипнуть.

Обед в царском мектебе был общим для всех. Слуги вынесли во двор огромный казан плова – еще горячего и парящего, как политый водою костер, а также поставили большущий короб с арбузами. Больше ничего и не требовалось – ибо пиалы, по древнему обычаю, татары всегда носили с собой.

Первыми угощение из котла зачерпнули, понятно, самые знатные из детей: царевич Джелал ад-Дин, наследник ордынского трона, и княжич Василий Дмитриевич, наследник трона русского. Вместе зачерпнули и как равные сели бок о бок на ступенях идущей на гульбище лестницы, пальцами переправляя в рот горсти горячего ароматного варева.

– Так чего, на охоту завтра скачем? – поинтересовался заложник. – Или ты так, к слову предложил?

– Я бы и сегодня сорвался, Вася, – с пришепетыванием ответил полным ртом сын Тохтамыш. – Да токмо сегодня нам бек Салак опять родословную рассказывает. Нудный он и болтает много. Токмо к сумеркам, верно, и избавимся. На охоту же надобно самое позднее после полудня отъезжать, сильно не задерживаясь. А как завтра учение сложится, не помню... Коли второго учителя не будет, тогда сразу на соколятню бежим, на конюшню и в степь! Ага?

– Ага! – лаконично согласился княжич, вытряхнул остатки плова из пиалы в рот и отправился за добавкой.

Бек Салак еще не успел добраться возрастом к пятидесяти годам, но всячески старался выглядеть истинным, умудренным долгой трудной жизнью дервишем. Он носил длинную и очень узкую бородку, вроде бы как седую – вот только волосы у самого подбородка подозрительно темнели. Халат его выглядел совершенно ветхим, местами вытертым до дыр, с запла-

тами на локтях, а опоясывался бек толстой пеньковой веревкой. Невероятную скромность учителя особо оттенял тощий тюрбан из выцветшего зеленого атласа.

Зеленый головной убор означал, что его владелец посетил Мекку и поклонился священной Каабе.

Хотя старшие ученики сильно сомневались и в этом. Коли мужчина красит бороду и таскает на себе древнее тряпье, получая от казны девять дирхемов в неделю, – можно ли верить всему остальному, что он рассказывает и чем хвастается?

Хотя слушать его все равно приходилось терпеливо и с прилежанием, ибо речь шла об основателе царского рода Чингизидов:

– ...и победив людей с собачьими головами, великий сын солнечного света направился в поход к восходящему солнцу. На пути туда он перевалил высокий Каменный пояс и столкнулся там со странными людьми, что проводили всю свою жизнь в битвах и дальних походах. Они сражались каждый день по многу раз, и оттого левые их руки, постоянно держащие щиты, скрючились и ссохлись, совершенно заострившись, а правые руки стали столь сильными и толстыми, что превосходили размером ногу сильного мужчины. Взмахом клинка они рассекали своего врага пополам, брошенные же ими копья летели вдвое дальше, нежели стрелы из болгарских луков⁷...

Бек Салак рассказывал все это заунывно и однотонно, полуприкрыв глаза и раскачиваясь из стороны в сторону. Все вместе взятое вгоняло учеников в дремоту – но спать было нельзя, ибо заснувшему на уроке, посвященном великим предкам царя Тохтамыша и основателю всего царского рода, полагалась не просто фалака – а таковая, после которой преступник неделю не способен встать на ноги!

– ...и победив народ разноруких воинов, всемогущий Чингис добрался до самого дальнего восточного берега, где на краю земли жили дикие люди, сразу поклонившиеся великому потрясателю вселенной. Но задерживаться там правитель не пожелал, ибо каждое утро там с невероятным грохотом выкатывалось на небеса ослепительное солнце, и стоял такой шум, что никто не мог расслышать стоящего рядом товарища. И потому развернул потомок солнечного луча свою великую армию и двинулся на юг, к горячему морю...

– А может, просто удерем с обеда – да в степь? – наклонившись к товарищу, шепотом предложил Василий Дмитриевич.

– Тебе хорошо рассказывать, у тебя до отца полный месяц спешного пути, – тихо хмыкнул царевич. – А моему уже через час соглядатаи донесут, в седло подняться не успею. Нас после такового до осени от соколятни отлучат. А то и вовсе до весны. Может, в субботу, аккуратно на рассвете, да на полный день?

– Мне нельзя, в церковь ходить надобно, – настала очередь Василия недовольно морщиться из-за нудных княжеских обязанностей. – Коли пропущу, дядьки враз в Москву отпишут. Плакали тогда мои сокола и моя охота. Под замок посадят, да еще и крестовое Священное Писание зубрить вынудят. Мало мне этого...

Заложник указал подбородком на качающегося с полужакрытыми глазами дервиша, монотонно скулящего:

– ...восемьдесят дней шла армия великого Чингиса по пустыне, обессилев от голода. И тогда, дабы спасти своих воинов, повелел потрясатель вселенной бросить меж храбрецами своими жребий. И в каждой десятке убили

⁷ Здесь и далее – пересказ идет по «Сборнику летописей» Рашида ад-Дина, единственному известному науке источнику сведений о деяниях Чингис-хана и существовании Монгольской империи.

товарищи одного из друзей своих и приготовили, и съели, и тем набрались сил и бодрости, и с великим воодушевлением вырвались из оной пустыни в обитаемые земли...

– Так давай сразу после заутрени? – пожал плечами царевич. – У христиан моления ранние, все едино почти весь день впереди останется! К Ахтубе сразу повернем, к верхнему броду. Я там на Рыжий остров с самой весны не заглядывал. Гусей да уток там, мыслю, несчитано!

– Точно! – загорелись глаза у княжича. – Я крапчатого своего возьму. Он мал, да стрелителен. Уток бьет по три за вылет!

– Так уж прямо и по три за единый раз!

– Клянусь клыком Перуна, два раза сие случалось!

– А давай ты мне не клыком кабаньим поклянешься, а своим наборным поясом? – ехидно прищурился царевич. – Мой пояс против твоего, что не возьмет твой крапчатый трех уток за вылет? Ни разу за всю охоту?

– Ну, так всего дважды за все время такое вышло, – заколебался Василий. – Сие есть дело случая. Вдруг не повезет?

– Коли дважды по две возьмет, тогда и в три поверю, – чуть понизил ставку Джелал ад-Дин и протянул руку: – Идет?

– Идет! – решил княжич и пожал протянутую руку.

– Керим, разбей! – кивнул брату царевич.

– Чего «разбей»?! – оборвав свое повествование, вскинулся бек Салак. – Кто тут болтает на уроке?!

Керим, куда более смуглый, круглолицый и упитанный, нежели брат, и к тому же на голову ниже, быстрым взмахом разорвал рукопожатие и тут же громко выкрикнул:

– Наш великий прадед разбил всех своих врагов!!!

– Прадед? – В первый миг учитель возмущенно набрал полную грудь воздуха... Но уже во второй сообразил, где именно читает свои уроки, и закашлялся, хрипло выдохнул и кивнул: – Да, царевич, твой предок был мудр и непобедим! Э-э-э... И вот послал он караван со своими товарами в богатую Бухару. А правил тогда в ней великий и могучий падишах Мухаммед...

– О чем спорили? – тут же спросил Керим. – Разбивальщик завсегда правоту в споре определяет!

– Васька поклялся, что его крапчатый за одну охоту дважды собьет двух уток за один вылет!

– И когда?

– В субботу... Вы ведь с Кепеком с нами поедете?

– Знамо, поскачем! – ни мгновением не колебался царевич. – И Кепек не откажется. А где уток брать собираетесь?

– На Ахтубе. В камышах у Рыжего острова.

– Это верно! Там уток по осени тьма! – встрепенулся круглолицый паренек и жадно повторился: – Я с вами! Обоих своих птиц возьму! Пусть отдыхают по очереди.

– Мы не с рассветом отправимся, токмо после христианской заутрени, – немного осадил его раж старший из царевичей. – Хорошо, коли токмо к полудню на остров поспеем.

– Ништо! Там дичи много, вдосталь до сумерек развлечемся. Дорога знакомая, в темноте не заблудимся. Вернемся после заката.

– Тоже верно, – согласился Джелал ад-Дин.

– Да отродясь такого не случалось! – внезапно раздался громкий выкрик. И как обычно, удержать языка за зубами не смог юный Идигу. – Откуда у нас в Бухаре сто тысяч воинов?! Да у нас простых-то горожан с детьми и бабами вместе тридцати тысяч не наберется! Какие у нас слоны?! Откуда вся эта чушь?!

– Да как ты смеешь спорить, отрыжка шайтана?! – Учитель Салак взревел подобно дикому зверю и вскочил на ноги. – Ты подвергаешь сомнению слова премудрого Рашид ад-Дина?! Ты подвергаешь сомнению подвиги великого Чингиса, священного потомка солнечного луча?! А ну, бегом к дверям и снимай сапоги! Фалака – это меньшее, чем ты сможешь расплатиться за подобную дерзость!

Сын бухарского эмира моментально осекся – но было уже поздно. Учитель злобно толкал его к дверному проему, возле которого бедолаге пришлось снять мягкие войлочные сапожки и лечь на спину. Бек Салак ловко обмотал веревкой одну щиколотку мальчишки, затем вторую. Зацепил петлю на конце за крюк возле одного косяка, потом возле второго и отступил в сторону.

Невоздержанный на язык паренек оказался лежащим на полу с задранными вверх босыми пятками, надежно удерживаемыми на весу.

– Ты и ты! – указал на двух крепких учеников фальшивый дервиш. – Возьмите палки, дайте каждый по двадцать ударов!

И когда мальчишки начали с размаху бить свою жертву, бек Салак присел на корточки возле Идигу и принялся размеренно напоминать:

– Когда всемогущий Чингис, потомок солнечного луча, покорил город Бухару, в ней находилось сто тысяч одних только воинов бухарских и двадцать боевых слонов. Запомнил? Когда Чингис покорил Бухару, в ней было сто тысяч воинов и двадцать боевых слонов... Повтори!

Мальчик стонал и морщился, но молчал.

– Повторяй! Иначе получишь еще сорок палок по пяткам! – требовал учитель. – А ну, повторяй! Я вобью свое учение в твою пустую голову! Коли через уши не влезает, так хотя бы через ноги вколочу!

Княжич тем временем отошел в центр дворика, к пруду, наклонился и ополоснул лицо прохладной чистой водой. Снял шапку, смочил волосы и надел обратно.

В августовском Сарае даже в тени виноградной лозы было невыносимо жарко.

Вскоре сюда же дохромал и чуть смугловатый, лупоглазый Идигу, присел на край пруда, опустил в прохладу светло-розовые ноги и блаженно застонал.

– Зря ты с Салаком споришь, – тихо укорил его княжич. – Мало ли какую чушь несет этот тупой дервиш? Плюнь и забудь. Пятки целее останутся.

– Когда стану эмиром, – зло ответил мальчишка, – прикажу найти его и утопить в нужнике...

Бухарец еще немного поводил ступнями в воде, вытянул ноги наружу, отер ладонями и осторожно надел сапоги.

Наказание закончилось, и ученики снова рассаживались на коврах вокруг бека Салака, дожидаясь продолжения урока. Дервиш поджал ноги, расправил по сторонам полы драного халата, опустил веки, начал слегка раскачиваться и снова однотонно заскулил:

– Когда каан во второй раз устроил большой курултай и назначил совет об уничтожении и истреблении прочих непокорных, то победило его желание завладеть странами Булгара, асов и Руси, каковые лежали по соседству от становища Бату и еще не были покорены и гордились своей многочисленностью. Царевичи для устройства своих войск и ратей отправились каждый в свое становище, а весной выступили из своих кочевий и поспешили опередить друг друга. В пределах Булгара царевичи соединились. От множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные. Сначала царевичи силою и штурмом взяли город Булгар, каковой известен был в мире недоступностью местности и большою населенностью. Для примера подобным им, жителей его убили али пленили. Оттуда они отправились в земли Руси и покорили

области ее до города Рязань, жители которого по многочисленности своей были словно муравьи и саранча, а окрестности были покрыты болотами и лесом до того густым, что там невозможно проползти даже змее. Царевичи сообща окружили град сей с разных сторон и сперва с каждого бока устроили столь широкую дорогу, что по ней могли проехать рядом три-четыре повозки, а потом, супротив стен его выставили метательные орудия. Через несколько дней они оставили от этого города только имя его и нашли в нем много добычи. Они отдали приказание отрезать убитым людям правое ухо. Сосчитано было двести семьдесят тысяч ушей. Оттуда царевичи решились вернуться...

– Что за дикий бред?! – не стерпев услышанной дури, выкрикнул Василий и вскочил на ноги. – У нас на Руси отродясь даже в стольных городах больше пяти тысяч жителей никогда не собиралось! И какой полоумный построит город в непроходимом лесу среди болот?!

– Да как ты смеешь, отрыжка шайтана?! – завыл учитель Салак и тоже вскочил. – Ты подвергаешь сомнению слова премудрого Рашид ад-Дина?! Ты подвергаешь сомнению подвиги великого Чингиса, священного потомка солнечного луча?! А ну, шагай к двери и снимай сапоги! Надеюсь, фалака вправит тебе мозги!

– Рязань же и вовсе тысячи три, от силы четыре в лучшие времена населяло! – рявкнул княжич Василий.

– К дверям, наглый щенок! К дверям и ложись на пол!

Дранный дервиш кинулся к московскому заложнику, опрокинул и сам сдернул сапоги, зло намотал веревку, дернул к косяку и закрепил петли на крюках. Указал пальцем на ближних учеников:

– Возьмите палки! Бейте его со всей силы!

Одним из выбранных оказался Идигу. Он взмахнул в воздухе ивовым хлыстом в полтора локтя длиной и с большой палец в толщину, поднырнул под веревку и наклонился к Василию:

– Сказываешь, дервиш несет всякую чушь? – шепотом спросил он. – Плюнуть и забыть?

– Начинайте! – рявкнул бек Салак, и юный бухарец с размаху ударил Василия палкой вдоль ступни. Мальчишка бил не со всей силы, княжич это ощутил. Однако все равно было очень больно. Тут никуда не денешься, если стучать совсем слабо – это заметно, и можно быстро оказаться в петлях фалаки на месте жертвы, каковую пожалел. Посему наказание в любом случае выходило болезненным.

Учитель присел на корточки рядом с заложником и наставительно повторил:

– Двести семьдесят тысяч отрезанных ушей! Ты понял? Двести семьдесят тысяч! В городе, стоящем среди непроходимых болот и лесов. Ты запомнил? Дороги к нему проложили токмо царевичи, дети Чингиса! Повтори!

– Когда я стану князем... – вздрагивая после каждого удара, процедил сквозь зубы Василий. – Я прикажу найти тебя и утопить в нужнике...

Дервиш заметно побледнел. Похоже, он только теперь сообразил, кого именно столь унижительно наказывает. Однако все равно чуть-чуть выждал, позволив случиться еще трем ударам, и только после этого распрямылся, взмахнул рукой:

– Достаточно! Это станет для тебя хорошим уроком, дерзкий смутьян! Я никому не позволю оскорблять память великого Чингиса, всесильного предка нашего царя! Я никому не позволю подвергать сомнению победы его рода!

Княжич не стал ему отвечать. Дождался, пока освободят ноги, после чего дохромал до прудика и опустил ступни в воду. Возвращаться на занятие он не пожелал. Даже если из-за этого придется опять стерпеть фалаку.

По счастью, новой жертвы не потребовалось. Дервиш, не прощаясь, ушел – и это означало, что урок закончился.

Выждав, пока боль отпустила, Василий достал ноги из пруда, развернулся. Чуток поси- дел, давая ступням время подсохнуть, затем натянул сапоги и побрел в свои покои, благо идти было недалеко. Пару минут спустя он уже проковылял в опочивальню и рухнул на постель.

– Что, Василий Дмитриевич, тяжело учение здешнее дается? – Пестун прошел в светелку следом за ним. – Ноги совсем не держат? А я-то думал сегодня в церковь какую-нибудь с тобою заглянуть!

– Давай завтра, дядька? – взмолился княжич.

– Воля твоя, Василий Дмитриевич, завтра так завтра, – не стал спорить старик и недо- уменно почесал в затылке: – И чем это вы там занимаетесь в своей школе, чадо княжеское, что ты опосля уроков ноги еле-еле волочишь? Вроде ведь должны сидеть смиренно-тихонько да пером по бересте водить!

– Ты не поверишь, дядька, но чистой дурью маемся! – зло ответил подросток. – Лучше бы я дома остался да за куропатками с луком охотился! Больше бы пользы получилось.

– Тебе виднее, княже... – не стал спорить дядька и отступил.

Вместо воспитателя в опочивальню скользнула невольница. Сверкнув глазами, она опу- стилась на колени у постели заложника и стала стягивать с хозяина сапоги. Сперва за пятки, носок, потом скользнула теплыми пальцами по голени, по икрам, проведя ладонью по коже под штанинами...

От этих прикосновений у княжича возникло немного странное, щекочущее ощущение. Вроде как и приятное – но непривычное и потому слегка пугающее.

– Что-то не так, мой господин? – удивилась девушка, заметив, как паренек чуть поддер- нул ноги.

Василий хрипло кашлянул и не ответил.

Зухра прислуживала заложнику вот уже два с половиной года – но сладковато-тянущее чувство от ее прикосновений, от вида ее крупной груди и широких бедер стало возникать под желудком у княжича только этим летом. Чувство и томительное-медовое, и непонятное, незнакомое. Пареньку хотелось одновременно и коснуться персиянки, привлечь – и оттолк- нуть, избавиться от странных впечатлений.

– Я поставлю их сушиться, мой господин, – с поклоном вышла невольница.

Княжич еще немного полежал, чуть шевельнул пальцами на ногах и неожиданно понял, что ступни больше не болят. Щекочущие прикосновения девушки непонятным образом совер- шенно выветрились все воспоминания о случившемся наказании.

Василий поднялся, прошелся по мягкому ворсистому ковру. Чуть подумал, толкнул дверь и громко сообщил:

– Уговорил, Пестун, собирайся! Пойдем молиться, коли уж оно так надобно. Выходную ферязь и пояс с саблей подайте! Давай поспешать, пока не стемнело.

Спустя полчаса княжич, одетый в темно-бордовую, шитую золотом ферязь из индий- ского сукна и опоясанный широким кожаным ремнем с золотыми клепками, на котором кра- совались два ножа, сабля в ножнах с накладками из слоновой кости и расшитая египетским бисером поясная сумка, – покинул царский дворец в сопровождении обоих холопов. Слуги обошлись одеждой простенькой: штаны из крашеного полотна, рубахи из атласа, на вытертых поясах только ножи да сумки, из которых выглядывали деревянные рукояти то ли кнутов, то ли кистеней. Оружия простенького – но очень страшного даже в неумелых руках.

После тенистых дворцовых дворики на улице Сарая в лицо сразу ударило жаркой пыль- ной сухостью. В первый миг паренек даже поперхнулся и закашлялся, но быстро пришел в себя и широко зашагал вперед, не особо задумываясь куда. Здесь, в столице крупнейшей пра- вославной епархии, христианские храмы стояли на всех улицах и переулках. Какой-нибудь, но вскоре обязательно встретится.

Пыльная серая дорога, пыльные серые заборы, пыльные и серые глухие стены домов.

В нищей степи не имелось дров для обжигания кирпича – и потому татары строились из глиняных брусков, просто обсушенных на солнце. После нередких в Поволжье ливней эти стены слегка размывались и слипались в единое целое, потихоньку лишаясь оставшихся после кладки швов. И все стены и заборы превращались в монолитную глиняную твердь.

Идущие навстречу прохожие, увидев знатного человека, торопливо отступали в стороны и низко кланялись. Иные – в тяжелых чалмах и плотных стеганых халатах, иные – в легких атласных или посконных рубахах и шапках. И говоря по совести – Василий по сей день не знал, какая одежда лучше спасает от здешней жары. Русская – легче. Татарская – по утрам смачивалась водой и потому сама по себе очень долго даровала прохладу.

Наверное, только женщины выглядели практически одинаково и на юге, и на севере: серый верх с выцветшей вышивкой и просторными рукавами до запястий да длинные серые юбки, шерстяные или холщовые, снизу. Вестимо, так получалось потому, что на улицы, на торг или по иным делам самолично выходили только служанки или нищенки. А бедняки выглядят одинаково во всех краях земли.

– Церковь Успения, – немного ускорив шаги, громко сказал Пестун и указал вперед.

Разумеется, здешний храм тоже был слеплен из глины пополам с камышовой сечкой и отличался от обычного жилья лишь смотрящими на все четыре стороны окнами – татары в своих домах окна прорезали только во двор. А еще возле церквушки имелась вознесенная на четырех бревенчатых столбах звонница с остроконечным шатром из толстого черного теса и луковка, крытая золотистой липовой дранкой.

Поднявшись на ступени низкого крыльца, паренек размашисто перекрестился на икону Георгия Победоносца, висящую над дверью, поклонился и нырнул в темную, пахнущую ладаном и гарью комнатенку, размерами всего двадцать на двадцать шагов и с высотой потолков в два человеческих роста.

Не обращая внимания на шепотки по сторонам, княжич прошел вперед, встал в четырех шагах перед алтарем, снова перекрестился, сложил ладони перед собой и склонил голову.

– Это Василий Дмитриевич... Василий, княжич московский, – наконец опознали нежданного гостя немногочисленные прихожане. – Сын Дмитрия, каковой Булгарию завоевал... Заложник... Заложник...

Паренек не услышал в их словах ничего, кроме любопытства. Ни восхищения, ни жалости, ни тревоги. Немного интереса – и не более.

– Господь всемогущий, спаси помилуй и сохрани грешного раба твоего Василия... – перекрестился княжич. – Отче наш, сущий на небесах, да святится имя твое, да приидет царствие твое. Да будет воля твоя и на земле, как на небе. Хлеб наш насущный дай нам днесь, и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим, и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого, ибо царствие твое есть и сила и слава вовеки веков... – Княжич вздохнул и закончил: – Аминь!

– Да пребудет с тобою милость Господа нашего, Иисуса Христа...

Московский заложник повернул голову и увидел священника – в темной рясе, невысокого и тощего, со впалыми щеками и коротенькой седой бородкой клинышком. Большого в сумерках храма разглядеть было невозможно.

– Благослови меня, отче, ибо я грешен, – заученно произнес Василий и склонил голову. Батюшка перекрестил нежданного прихожанина и протянул руку для поцелуя.

Паренек наклонился, коснулся губами запястья. Затем расстегнул поясную сумку, достал небольшой, но солидно звякнувший мешочек, вложил в руку священника:

– Помолись, отче, за здоровье и благополучие мое и моих родителей.

– Конечно же, отрок, мы молимся за них ежеутренне и ежевечерне, – спрятал кошель за ворот заметно повеселевший попик. – За здоровье и долгие лета всемогущего государя нашего

великого Тохтамыша, защитника веры христианской и покоя люда православного, за здоровье и благополучие великого князя московского Дмитрия Ивановича и княгини Евдокии... – Священник на краткий миг запнулся, и тут же поправился: – Рабы божьей Евдокии. И за твою душу, наше возлюбленное чадо...

– Надеюсь, московское серебро поможет вам обновить свой храм и воодушевит на искренние молитвы, – чуть поклонился паренек, отступил, развернулся и быстро вышел из церкви.

Холопы поспешили следом.

Василий оглянулся через плечо, замедлил шаг и бросил нагнавшему его Пестуну:

– Мы зря стараемся, дядька. Они никогда не станут моими слугами. Их родина Сарай, их царь Тохтамыш. Им нет дела до наших тревог, их дом здесь!

– Мы с ними одной веры, Василий Дмитриевич! – поспешил напомнить Пестун. – Мы их защита и опора!

– Митрополит Сарайский входит в свиту Тохтамыша, за оскорбление христианской веры по ордынским законам полагается смертная казнь, все дела и все добро, земля и здания православной церкви свободны в здешних землях от любого тягла и мирских законов, Пестун, – громким шепотом ответил холопу паренек, покрутил кистью руки в воздухе и пожал плечами: – Зачем им наша защита, Пестун? Они скорее Орду от нас оборонять станут, нежели помогут нам бороться с ордынцами!

– Ты торопишься с выводами, княже!

– Ты полагаешь? – Сын московского правителя снова оглянулся через плечо, наклонился вперед и скрипнул зубами: – Все, что они помнят о моем отце, так это то, что он разгромил Орду и отнял у нее Булгарский улус! Наш поход помнят, а вот набега Тохтамыша на наше княжество никто из здешних прихожан даже не помянул! За Тохтамыша они молятся в первую голову! Проклятье, да они ведь даже не помнят имени моей матушки! Мы для них чужие! Хорошо еще, коли за врагов не считают. И никакие молебны, никакие подарки и совместные службы сего их мнения не переменят. Ты можешь сколь угодно называть их русскими, называть православными, но все они есть такие же татары, как и прочие басурмане! Просто придерживаются истинной веры. Надежда сделать из них союзников есть пустые старания! Я скорее Джелалу, сыну Тохтамыша, поверю, нежели любому из них!

– Джелал один, княже. У него могут быть добрые желания, могут быть плохие. Могут поменяться одни на другие в ту или иную сторону. А здешние православные люди – это целый народ, великая сила. И их желания неизменны, их опора в их искренней вере! – попытался урезонить разгорячившегося Василия воспитатель. – Если понять, чего они хотят, если привлечь их на свою сторону, Орда станет перед нами беззащитной!

– Я живу здесь два с половиной года, дядька, – криво усмехнулся паренек. – Я старался следовать твоим советам и пожеланиям отца. Молился, улыбался, стоял заутрени и вечерни. И что? Хоть что-то за эти годы изменилось? Хоть кто-то из здешних горожан приходил ко мне как к православному наследнику? Кто-то жаловался на притеснения, обиды, просил заступничества? Хоть кто-то хоть чего-то просил или спросил? Хоть кто-то меня князем признал?! Я как был для них чужим, так и остался! И мой отец им тоже не интересен. И они даже не помнят имени моей матери! – повторился паренек.

Юный Василий Дмитриевич снова скрипнул зубами, поморщился и передернул плечами. Затем глубоко вздохнул:

– Ты знаешь, дядька... Пожалуй, не пойду я послезавтра к заутрене. Выйдет куда больше пользы, коли я с царевичами на охоту сгоняю! Они меня хотя бы признают!

Они прошли еще с полсотни шагов, когда паренек снова замедлился, спохватившись, и полуобернулся:

– Ты не пытаешься спорить, Пестун?

– Ты княжич, Василий Дмитриевич, и такова твоя воля, – пожал плечами старик.
– Но ты напишешь об этом отцу... – сделал вывод московский наследник.
– Ты княжич, – снова пожал плечами дядька. – Ты волен поступать по своей воле. Но тебе придется принимать последствия своих решений.

Паренек остановился вовсе, опустил обе ладони на рукоять сабли и прищурился на своих холопов-воспитателей. Затем усмехнулся и кивнул:

– Да будет так! Послезавтра мы скачем на охоту. С рассветом! Я так решил!
– Воля твоя, Василий Дмитриевич, – поклонились ему слуги. – Едем!

26 августа 1385 года

Сарай, столица Волжской Орды

Охота – это вам не учеба и не молебен! На охоту Василий проснулся сам, проснулся еще задолго до рассвета, сам же вскочил и даже начал одеваться, натягивая оставленную с вечера у постели одежду. А поскольку таковыми были все подростки, то с самыми первыми утренними лучами кавалькада из полусотни всадников уже стремительно пронеслась по пустым и пыльным улицам Сарая. Четверо царевичей, княжич, сокольничие и конюшие, телохранители и просто слуги – и еще несколько заводных скакунов. На всякий случай.

Отряд вырвался в степь – к концу лета совершенно высохшую, серую от пожухлой травы и шариков перекати-поля. Всадники развернулись в широкий полумесяц, промчались на рысях к зеленой полоске кустарника, за которым величаво текла широкая, но мелководная Ахтуба. Царевичи чуть придержали коней, осторожным шагом въехали в реку, быстро ее пересекли, выбивая из мягкого песчаного дна желтые облачка, тут же уносимые течением.

Здесь брод был практически везде, на добрую версту вверх и вниз по течению, посему всадники ехали бок о бок, внимательно приглядываясь к ивняку по ту сторону водной ленты.

– Кажется, еще не поднялись, – немного удивился Джелал ад-Дин, в этот раз одетый в льняную рубашку, поверх которой был наброшен каракулевый плащ, оглянулся на княжича и задорно подмигнул: – Ты не забыл свой пояс, братишка? Тогда вперед, славному гостю первый ход! Посмотрим, сколько хвостов принесет тебе твой хваленый крапчатый ястреб.

Московский заложник посмотрел на него, затем на едущего неподалеку сокольничего. Достал из-за пазухи и надел на правую руку перчатку из толстой сыромятной кожи, отвел ее в сторону. Хорошо знающий свое дело малорослый слуга подъехал ближе, посадил ему на кисть небольшого, чуть меньше локтя размером, явно молоденького еще сокола-балабана, белого с темными пятнышками, в замшевом кlobуке, украшенном двумя алыми рубинами.

– Вперед! – махнул рукой царевич, и охотники дали шпоры коням, стремительно перемахнули Ахтубу и с ходу врезались в кустарник на том берегу. – Эге-ге-й!!!

Из травы за зарослями взметнулась огромная стая отдыхавших там уток – и княжич тут же снял с птицы кlobук, подбросил сокола в воздух.

Балабан расправил крылья, в несколько быстрых взмахов набрал высоту, тут же спикировал на ближнюю из уток, цапнул когтями, ударил клювом по голове – и обмякшая тушка, обретая вес, вырвалась из лап неумелого еще охотника. Однако сокол не растерялся, вильнул в сторону и вцепился в другую птицу. На сей раз достаточно крепко, чтобы удержать добычу даже после смертельного удара.

– Ты видел, Джел?! Ты видел?! – торжествующе закричал княжич. – Две! Он взял двух уток в одном полете! – И Василий засмеялся: – Ты не забыл прихватить свой пояс, братишка?

Но царевич не слышал его, наблюдая, как два могучих коричневых ястреба стремительно ворвались в птичью стаю и решительно вырвали из нее горячую трепещущую добычу. Это братья Керим и Кепек тоже присоединились к забаве. Вернее – их охотничьи соколы.

– Моего кречета!!! – яростно потребовал наследник ордынского трона.

Но к тому моменту, когда сокольничий посадил ему на руку драгоценную птицу, утки уже успели прижаться к земле и над самым ивняком умчаться куда-то к Волге.

Джелал ад-Дин шумно втянул носом воздух, покрутил головой, указал вниз по течению и скомандовал:

– Туда!!!

Всадники все дружно ринулись через кустарник, и вскоре из травы и редкого низкого камыша ввысь взметнулась еще одна стая.

– Ату! – Царевич сдернул со своего кречета клобук и с такой силой метнул в высоту, словно это была сулица, а не птица. Сокол не подвел – увидел дичь, метнулся вперед, шумно рубя воздух крыльями, и уже через миг вогнал в жирную тушку кряквы длинные острые когти... – Е-есть!!!

Птицы было так много, что юные охотники подбрасывали своих соколов чуть ли не сразу, едва тех сажали им на руки – и уже через пару часов пернатые хищники банально выдохлись, крепко цепляясь за перчатки, хлопая крыльями, но отказываясь взлетать. И хотя своего азарта царевичи еще не утолили – волей-неволей пришлось устраивать привал.

Слуги расстелили на прибрежном песке ковры, расставили серебряные миски, в которые насыпали курагу, сладкий прозрачный баслюк, халву и чернослив, порезали на блюдах неизменные пузатые арбузы и вязкие сладкие дыни. Царевичи полулегли по краям, потянулись к угощению. Василий тут же напомнил:

– Я говорил, мой крапчатый по две утки с легкостью берет, говорил?!

– Сие покамест токмо один раз случилось! – Джелал выбрал крупный кусок арбуза и жадно в него вгрызся. Сплюнул в сторону косточки и закончил: – А уговор был на два!

– На два за день! – не отступил от своего княжич. – А еще даже не полдень! Будет и еще удачный вылет. Просто ныне вся птица на острове уже пугана. Две за раз просто не найти.

– Это точно! – солидно подтвердил царевич Керим, по подбородку которого стекали струйки арбузного сока. – За полный день должно случиться два броска с двойной добычей. Один я уже засчитал.

– Надо выждать... – откинулся на спину московский заложник. – Пусть утки успокоятся, в стаи собьются. И чур, я опять первый в спугнутую стаю крапчатого пускаю!

– Ты его сперва уговори, – добродушно рассмеялся Джелал. – Они все, вон, крыльями еле-еле шевелят! – Царевич зевнул, тоже откинулся и заложил руки за голову: – Как же тут, однако, хорошо! И солнце, и свежо, и никакой мошки. Иногда так хочется превратиться в дерево... Расти себе да расти, грейся на солнышке. Ни забот тебе, ни хлопот, ни бека Салака с его нудятиной, ни Истрахана с его астролябиями...

– Царевичи, царевичи!!!

Громкий крик и плеск воды заставили его поднять голову, прищуриться в сторону Ахтубы. Там через брод, вздымая тучи брызг, мчался всадник, в шароварах и войлочной жилетке на голое тело.

– Накаркал... – сделал вывод наследник ордынского престола.

И оказался прав. Выбравшись на берег, всадник скатился с седла, опустил на колени и склонил голову:

– Государь Тохтамыш скорее призывает вас к себе, царевичи! Без промедления!

– Внимание и повиновение... – тяжело вздохнул Джелал ад-Дин и поднялся на ноги, на правах старшего отдав решительный приказ: – Воля моего отца закон. Братья, по коням!

– А как же пояс? – не понял княжич.

– Ты его покамест наполовину выиграл, наполовину проиграл, – сурово, как надлежит судьбе, сказал царевич Керим. – Уговор был на два удачных вылета за день. Коли нас прервали, теперь всю охоту придется сызнова начинать...

Паренек поднялся и развел руками.

– Послезавтра? – предложил сверху уже поднявшийся в седло Джелал ад-Дин. – Пусть птицы отдохнут.

– Заметано! – согласился княжич, ставя ногу в стремя.

– Государь ждет... – напомнил гонец.

– Мы на рысях, с одной стражей, – ответил царевич и ударил пятками тонконового арабского скакуна. – Геть, геть, геть!

Бросив слуг прибираться на месте привала, четверо знатных охотников стремительным галопом промчались по пляжу, в облаках брызг пересекли Ахтубу и, на добрую сотню саженей оторвавшись от телохранителей, понеслись к городу.

Государь великой Орды встретил юношей в восточном дворике, выложенном полированными гранитными плитами, с мозаичными стенами под толстой коричневой лозой и с многоцветными карпами кои, плавающими в позолоченном прудике в центре прохладного зала. Одет Тохтамыш был в легкий шелковый халат, расписанный танцующими цаплями, темно-синие шелковые шаровары и в войлочные шлепанцы на босу ногу. В руках царь держал серебряный кубок, покрытый витиеватой чеканкой с самоцветами. Над краем сосуда вился белесый дымок с далеко растекающимся ароматом корицы.

Гладко выбритую голову одного из величайших правителей ойкумены покрывала серая войлочная тюбетейка с вышитыми арабской вязью молитвами, большие синие глаза смотрели пронзительно и остро. Остальные черты лица были тонкими, изящными, можно сказать – нежными. Розовые узкие губы, прижатые к черепу резные уши с длинными мочками, остренький носик; тщательно выбритые белые щеки и короткая бородка клинышком. И если бы не эта самая бородка – Тохтамыш, несмотря на возраст сильно за тридцать лет, можно было бы принять за миловидную девицу.

– Ты звал нас, отец? – от имени всех запыхавшихся парней спросил царя Джелал ад-Дин.

Правитель Орды, неспешно прихлебывая из кубка, прошел мимо знатных мальчишек, остановился перед княжичем Василием и, глядя ему в глаза, неожиданно спросил:

– Не вижу ни Кадыра, ни Джоббара, ни Чокре... Где они?

– Мы были на охоте, отец, – ответил Джелал. – Они еще слишком молоды...

– Молоды для охоты?! – быстро перешел к нему царь. – Да я в свои десять уже отправился в первый поход! А в четырнадцать первый раз повел кованую сотню в копейную атаку на мордвинскую дружину! Молоды, молодые... Это какими же хлюпиками растут нынешние дети? В десять лет они еще слишком маленькие? Стыдоба! Куда катится этот мир? В наше время...

Тохтамыш внезапно осекся, повернулся, отступил. Задумчиво произнес:

– Нам никогда не сравняться с нашими отцами. Ладно, раз четырнадцать в наше время считается детством, так тому и быть. Пусть развлекаются. Взрослым же детям своим повелеваю на рассвете выступить в поход в полном ратном снаряжении! Пришло время и вам пролить кровь во славу отчей державы!

– Да, отец! Как прикажешь, отец! – на разные голоса отозвались царевичи и кинулись к уходящей наверх лестнице. Ведь все жилые покои находились наверху.

Правитель Орды поставил кубок на столик возле пруда. Прищурился на рыбок и, глядя на них, спросил:

– Сколько тебе лет, княжич Василий Дмитриевич?

– Скоро будет пятнадцать, – с неожиданной для себя самого хрипотцой ответил паренек.

– То есть четырнадцать, – сделал вывод Тохтамыш и самыми кончиками пальцев пощупал кончик бородки.

– В четырнадцать ты уже водил свою сотню в копейную атаку, великий царь! – резко выкрикнул княжич и ощутил на спине неожиданный колючий холодок, словно бы за шиворот свалился с еловой ветки изрядный шмат подтаявшего крупянистого снега.

– Да, водил, – криво усмехнулся правитель, поднимая на него голубые глаза. – Но ведь ты здесь гость, а не союзник, и тебе незачем отдавать живота своего за мою державу. Хотя я понимаю твои чувства. Все друзья отправляются воевать, и тебе не хочется показаться в их глазах трусом, тебе не хочется остаться одному среди несмышленных малолеток. Но я поклялся твоему отцу в твоей полной безопасности! Что мне ответить великому князю, если с тобою вдруг случится беда?

– Ты поклялся моему отцу, что я получу самое лучшее образование, великий царь! – напомнил Василий. – Разве ратное искусство не обязательно для будущего правителя? Разве умение общаться с астроябией для князя важнее навыков управления полками и походами?

– Я вижу, княже, тебе за словом в карман лазить не надобно... – Властитель великой Орды снова пригладил бородку кончиками пальцев. – Что же, воля твоя. Ты гость в моем доме, и долг честного хозяина обязывает меня прислушиваться к твоим желаниям. Коли ты готов обнажить свой меч во славу великой Орды, я с радостью возьму тебя в свою свиту. Передай своим слугам, я прикажу выделить тебе походный возок. Пусть спросят на хозяйственном дворе. Выступаем на рассвете. Будь готов!

– Благодарю, государь, – поклонился княжич и тоже поспешил к лестнице.

* * *

Царь Тохтамыш вместе с малой свитой всего из полусотни ближних советников и воевод выехал из ворот дворца с первыми лучами солнца, просторным торговым трактом проскакал к нижнему броду, переправился через Ахтубу, широкой походной рысью миновал полуголые песчаные острова, на которых не росло ничего, кроме камыша и редкого ивняка, и к полудню спешил к причалов, стоящих на широкой, как море, полноводной Волге. Здесь он с сыновьями и княжичем взошел на борт расписанной языками пламени и выстеленной коврами ладьи, величественно уселся на установленный на корме трон, запахнувшись в темно-коричневый стеганный халат, вскинул указательный палец.

Корабельщики тут же втянули на борт причальные канаты, оттолкнулись от берега, выпростили весла, вспенили ими воду. Поднимать паруса, несмотря на попутный ветер, они не стали. Царь явственно никуда не спешил, поглядывая с высоты прочного кресла, как выше и ниже по течению могучую реку пересекают еще многие и многие десятки больших и малых суденышек.

Без спешки переправа заняла больше двух часов – ладья привалила к причалу из толстых сосновых бревен, корабельщики скинули сходни. И едва нога Тохтамыша ступила на сушу, слуги тут же подвели ему высокого вороного скакуна с вышитым потником под седлом и упряжью, украшенной золотыми клепками и серебряными колокольчиками.

Однако княжича больше всего удивило не это, а то, что и ему тоже подвели породистого серого коня. Незнакомый татарин придержал стремя, помог подняться в седло и отступил в сторону, легонько стукнув ладонью по крупу.

Василий присоединился к царевичам, все вместе они на рысях помчались вслед за Тохтамышем, а спустя несколько мгновений вокруг знатных путников сомкнулась вся остальная свита, переправлявшаяся на других кораблях, и сверх того – около сотни всадников в броне, в сверкающих начищенными пластинами куяках и мисюрках с кольчужными бармицами, да еще и с длинными остроконечными пиками у стремени.

Три часа стремительной скачки – и незадолго до заката кавалькада оказалась на просторной луговине со множеством костров, пылающих вокруг большой юрты.

Ордынский царь натянул поводья возле входа, но первым спешился не он, а телохранитель с треххвостым бунчуком – два рыжих конских хвоста и один волчий. Спешился, ударил ратовищем в землю, замер. Следом соскочил и сам Тохтамыш, а за ним – татары из многолюдной свиты.

Василий, покинув стремя, привычно отпустил подпруги, огладил коня по шее, успокаивая и благодаря, взял под уздцы и медленно пошел вперед. Уставшего скакуна, известное дело, сперва обязательно выходить надобно, а уж потом поить и на выпас отпустить.

Однако уже через пару минут к княжичу подошел пожилой воин в ватном халате и лисьей, несмотря на жару, шапке, почтительно поклонился, приложив ладонь к груди, а затем уже забрал поводья. При всем том – не произнес ни слова. Вестимо – ни русского, ни арабского языка татарин не знал, а заговаривать с иноземцем на своем не стал и пытаться.

Княжич огляделся, направился к юрте, поклонившись у входа бунчуку, откинул полог. Прищурился, оказавшись с яркого света в душном полумраке.

– Вася, сюда! – взмахнул рукой Кепек, сидевший почти у очага.

Княжич пробрался к царевичам, опустился на ковер. Здесь стояло блюдо с порезанным мясом и – само собой – еще одно с арбузом.

– Ты же не погонщик худородный, княжич, чтобы в степи на попоне спать, – сказал царевич. – Ляжешь рядом с нами.

Наследник московского престола молча пожал плечами, выдернул нож и наколол себе кусок вареной убоины...

На рассвете путники перекусили холодным мясом и арбузами – а за пологом юрты их уже ждали оседланные скакуны. Осталось лишь подняться в стремя и дать шпоры.

День пути – и перед закатом они снова спешились возле уже поставленной юрты, внутри которой лежали ковры, горел огонь и ждала путников горячая говядина.

Сон под общей крышей, совместный завтрак – и оседланные лошади снаружи.

Еще день пути – юрта, мясо, сон... И новый рассвет с новым переходом...

На четвертый день ордынский царь, сблизившись с заложником, неожиданно спросил:

– Тебя что-то тревожит, княжич Василий?

– Нет-нет, государь, все в порядке, – уважительно поклонился паренек.

– Если желаешь чему-то научиться, княжич, надобно уметь задавать вопросы, – приободрил его Тохтамыш. – Разве не за этим ты отправился в наш поход?

– Если мы в походе, государь, то где армия? – все же не сдержал удивления московский заложник. – Все знают об огромной армии Орды, исчисляющейся многими тысячами всадников! И где же она? Я не вижу окрест даже пяти сотен! Да мой отец легко соберет многократно большую дружину!

– А что ты скажешь, княже, коли узнаешь, что наша армия исчисляет девяносто сотен воинов? – без тени гнева ответил Тохтамыш. – Только воинов! Не считая слуг и всякого рода прилипал, вроде мелких торговцев и гулящих девиц.

– Но где же они тогда? – Василий снова обвел взглядом полупустую степь.

– А если подумать, недовольное чадо? – подмигнул ему царь великой Орды, вскинул руку и поманил пальцем сыновей: – Джелал, Керим, Кепек, Кадыр... Подъезжайте ближе, вам тоже будет полезно сие услышать. Итак, Джелал, где наша армия?

– Вокруг, – пожал плечами его старший наследник и пояснил: – Девять тысяч воинов – это двадцать тысяч коней и примерно пять тысяч возков с припасами и снаряжением. Каждый возок – это еще две лошади. Коли собрать их всех вместе, лошади за час сожрут всю траву

и осушат все водопой, а потом просто сдохнут от жажды и бескормицы. Люди же ослабеют и станут бесполезны для похода. Их без труда перебьет любая шайка.

– Как это «вокруг»? – не понял Василий.

– Двадцать сотен с заводными скачут вдоль берега Волги, – загнул один из пальцев Тохтамыш. – У них вдосталь воды, но тамошним пастбищам больше не прокормить. Полторы тысячи идут ногайской тропой. Им легче всего, это удобный тракт с колодцами и водопоями, обустроенными стоянками и запасами корма. Пять сотен скачут кочевьями. Там много травы, но нет родников, а колодцам больше тысячи голов не напоить. Тридцать сотен выступили еще половину месяца назад, они двигаются дальним путем, через Терек, тысяча скачет вдоль Ахтубы и вскоре переправится возле Астрахани. А обоз в двух днях пути немного правее от нас.

– Как тебе удастся все это запомнить, государь? – искренне удивился паренек.

– Нам с советниками пришлось долго размышлять, готовясь к этой войне, – пожал плечами ордынский царь. – Или ты полагаешь, княжич, для ратного похода достаточно просто отдать приказ? Увы, подобная простота возможна лишь в том случае, когда у тебя под рукой всего сотня или две воинов. Сотня воинов прокормится всего лишь парой деревенских коров, а их лошадям хватит любого пастбища или сметанного крестьянами стога. Две сотни могут скакать вперед, ни о чем не задумываясь, и легко находить себе кров и стол на каждом привале. Если же у тебя тысяча воинов, то они уже не живут под рукой у тебя во дворце, они обитают в большинстве в своих кочевьях, и для похода их надобно собрать, а также снарядить обозы, ибо не во всякой деревне наберется еда сразу на тысячу человек, пастбищ же на две тысячи лошадей нигде не найдется совершенно точно. Припасы придется везти с собой.

Василий прикусил губу. Создать армию, снарядить обоз и выступить с ними на врага – это было как раз про великого князя Дмитрия Ивановича и московскую дружину.

Впрочем, почему только про Москву? Никто из князей или королей не способен создать под свою руку больше тысячи, либо каким-то чудом – двух тысяч ратников!

– Но когда твоя армия превышает пять тысяч всадников, – невозмутимо продолжил ордынский царь, – ты вдруг понимаешь, что для нее уже не хватает дорог, ибо походная колонна растягивается на расстояние дневного перехода, и в тот час, когда голова рати будет входить в вечерний лагерь, замыкающие воины еще не успеют выйти из лагеря вчерашнего. Ты вдруг понимаешь, что для твоего войска попросту не хватит воды на водопоях и даже места на пастбищах, не говоря уж о траве, и что никакой обоз не способен увезти достаточное количество припасов.

– Как же тогда ты воюешь, великий царь? – с некоторой грустью спросил Василий.

– Когда твое войско, княжич, исчисляет многие тысячи нукеров, – не без гордости вскинул подбородок царь Тохтамыш, – твой поход начинается с того, что ты высылаешь вперед доверенных и хорошо обученных лазутчиков, каковые изучают пути, дабы понять, сколько путников они способны принять, а также ищут и размечают удобные места для стоянок. В эти места к назначенному сроку купцы доставляют потребные припасы... Дрова, скот, сено... А если нужно, то и работников, каковые разделяют мясо и разобьют лагерь. И токмо в этом случае твои полки смогут мчаться вперед по сорок верст в день, лошади будут свежи и стремительны, а люди постоянно бодры и сильны для битвы.

– Государь! Но если обоз с ратным снаряжением находится от нас в двух днях пути, то что случится, коли на нас внезапно нападут вражеские полки? – полуповернулся в седле Василий, обращаясь к Тохтамышу. – Ведь мы почти что безоружны!

– В двух днях пути впереди идут дозоры, – небрежно пожал плечами правитель Орды. – Коли они заметят врага, нам достаточно просто остановиться. Обозы нас догонят, правое и левое крылья армии подтянутся к нам, воины получают броню и стрелы, и мы встретим подступившего врага отдохнувшими и во всеоружии!

– Но при этом мы опоздаем к следующей назначенной стоянке! – напомнил княжич.

– Когда случается битва, сие не является главной заботой, – рассмеялся Тохтамыш. – Но ты прав, порою нарушаются самые лучшие из планов. Однако же, как ты помнишь, без обоза моя армия все-таки не передвигается. У нас всегда есть припасы на две-три недели. А там... Либо ты победил, и все остальное уже не так важно, ибо армию можно распускать для изгона⁸, либо...

Здесь правитель Орды запнулся и своей мысли не завершил.

– Я полагаю, стоянки удастся готовить заранее токмо на своей земле? После перехода вражеских рубежей сие уже не получится? – поинтересовался Василий.

– Ну почему же? – не согласился Тохтамыш. – Не везде подданные так уж любят своих правителей, чтобы отказываться от хорошего прибытка, не везде местные жители догадываются, зачем чужеземцы платят им за убеждение их же пастбищ от отравы. Во многих местах полки просто встречаются на переходах с заранее высланными к нужным переправам или городам торговцами, как бы случайно везущими товары, пригодные для армейской стоянки. Орда собирает многотысячные армии уже не первый век, и мы умеем водить их в дальние пределы. Если начать подготовку к походу за полгода, а лучше за год до войны, то несложно довести даже двадцатитысячную армию хоть от волжского Булгара и до самого Танжера!

– У тебя умелые воеводы, великий царь... – склонил голову перед ордынским правителем московский заложник.

Василий Дмитриевич впервые начал ощущать все могущество державы, раскинувшейся к югу от московской Руси. Державы, собирающей для походов тысячи нукеров с такой же легкостью, с какой русские князья собирали сотни, и главное – умело этими тысячами управляющей. Ведь московская дружина всегда просто и бесхитростно шла лесными трактами вслед за великим князем! Ела то, что везла с собой, и сражалась там, где сталкивалась с врагом. На чем вся боярская ратная наука и заканчивалась.

И от сего тоскливого понимания настроение будущего правителя русской державы как-то сразу ухудшилось. Небо стало казаться выцветшим, трава мертвой, земля каменной, а лошадь – совсем даже не ходкой и непослушной...

13 сентября 1385 года

Приморская степь в одном переходе к югу от Терека

Однообразное походное движение царского отряда прервалось около полудня появлением запыхавшегося гонца – без шапки, одетого в изрезанный до состояния лохмотьев бурый халат, без щита и копья, однако опоясанного добротной саблей с обмотанной кожаным ремешком рукоятью. Серый низкорослый скакун татарина хрипло дышал, готовый упасть на землю, а его шкуру покрывали крупные хлопья розовой пены.

Скатившись с седла, нукер упал на колени, ткнулся лбом в сухую гулкую землю:

– Передовые дозоры столкнулись с черкесами, государь! – выдохнул он.

– Столкнулись или сразились? – натянув поводья, уточнил Тохтамыш.

– Во славу твоего имени отдали свои животы многие храбрые воины, государь! Но мы не смогли взять пленника для допроса, государь! Мы виноваты, великий царь, смилуйся над нами!

– Я вижу, ты тоже дрался и пролил свою кровь. – Тохтамыш расстегнул поясную сумку, достал сверкающую золотом монету и бросил гонцу: – Вот, купи себе новую броню вместо

⁸ Изгон – это такой маневр, когда армия расходится по вражеским владениям для насилия и грабежей.

испорченной. Пусть твоя будущая храбрость искупит случившуюся неудачу. Ты можешь отдохнуть.

– Благодарю, великий царь. – Сцапав награду, нукер снова ткнулся лбом в землю, а Тохтамыш тронул пятками коня, переводя его на широкий походный шаг.

К нему приблизился престарелый воевода Нур-Берды: седовласый, с белой же окладистой курчавой бородкой на морщинистом выцветшем лице. Одевался воин на русский манер: парчовая ферязь поверх атласной рубахи вместо халата, полотняная округлая шапочка с собольим хвостом на боку и лайковые сапоги вместо войлочных. По слухам, воевода происходил откуда-то из Булгарского улуса и вполне мог оказаться кем-то из московских переселенцев.

– Похоже, друг мой, черкесы боятся персов больше меня, – скривившись, сказал правитель Орды. – И вместо того, чтобы мирно пропустить наши тумены, они возжелали сечи. А ведь я предупреждал, что острие моего копья направлено не на них! Или, может статься, эмир Абу Мухаммед или шах Шуджа⁹ прислали им помощь?

– Купцы из Дербента не видели проходящих через город полков, государь, – степенно ответил старый воин. – Иначе они обязательно прислали бы весточку. В Астрахани сидят наготове несколько гонцов с лучшими арабскими скакунами на тот случай, коли понадобится доставить важные сообщения. Но вестей нет. Посему, полагаю, здешние князья собрались сражаться в одиночку.

– Без помощи со стороны им не собрать больше двух тысяч всадников!

– Местные князья еще не испытывали твоего гнева, государь, – слегка склонил голову воевода, – и потому они куда больше опасаются персидской обиды, коли пропустят тебя без битвы, нежели сражения с твоими туменами.

– Значит, пусть испытают, – кивнул Тохтамыш. – Стягивай крылья для битвы.

– Впереди, в одном переходе, течет Сулак, – вытянул руку куда-то влево Нур-Берды. – Если мы перейдем реку и встанем за ней, то у нас будет вода, а у черкесов нет. Но тогда надобно свернуть с размеченного пути и скакать до поздней ночи.

– Отдохнем там, – без промедления решил ордынский правитель. – Прикажи поворачивать!

Этот вечер стал первым, когда знатные путники ночевали без крыши над головой, да еще на голодный желудок. Дойдя под звездным небом до назначенного воеводой места и перейдя вброд широкою, шагов пятьдесят, но мелководную – только стремена намочили – реку, всадники сами расседлали лошадей, отпустив их с коноводами, расстелили попоны прямо на сухую траву и легли спать, подложив седла под голову вместо подушек. Все – даже великий государь Волжской и Заяцкой Орды Тохтамыш.

Однако уже к полудню нового дня возле озера появились кибитки с припасами: дровами, арбузами, вяленой рыбой, еще через пару часов в центре стоянки выросла крытая алым и желтым атласом юрта – и походная жизнь вернулась в привычное русло.

Ордынская армия стремительно разрасталась – что ни час, к лагерю подходили с разных сторон отряды в несколько сотен, а то и тысяч всадников. Татары спешивались, скидывали походные вьюки – и отдавали скакунов коноводам, каковые уводили лошадей куда-то за горизонт. И да – трава вокруг лагеря стремительно исчезала под копытами и в желудках многих тысяч голодных животных.

На третий день впереди, верстах в пятнадцати, возникла темная полоса, каковая в ночи тоже расцветилась множеством костров.

В ордынский же лагерь тем вечером наконец добрался огромный ратный обоз. Копуша и Пестун, отыскав княжича, в порыве радости даже обняли паренька, забыв на миг о его знатности и своем холопьем положении.

⁹ Правители северных провинций раздробленного на тот период Ирана.

– Сказывай, Василий Дмитриевич, как ты тут? – придиричиво ощупал воспитанника Пестун. – Как поход, что видели, что случилось, каково тебе середь ордынцев?

– Скучно, – пожав плечами, кратко ответил заложник. – Спим, едим да скачем. Право слово, в мектебе сидеть и то интереснее.

– Ну, сие ненадолго, – развязывая узел одного из мешков, пообещал Копуша. – Коли царь полки вместе стягивает, стало быть, сеча завтра-послезавтра случится. Татары долго на месте стоять не способны, у них от бескормицы конидохнут. Им либо наступать надобно, либо драпать. Третьего не дано...

Воспитатель вынул увесистый замшевый сверток, откинул края и достал на свет княжеский доспех. Встряхнул, развернул на мешках.

Это был юшман: кольчуга панцирного плетения с закрепленными на груди черненными пластинами, на которых на двух языках, на русском и на арабском, золотом была наведена надпись: *«Да пребудет милость Божия на Его воинстве!»*

– Пластины толстые, крепкие, – тут же торопливо напомнил дядька. – Скользящий удар сдержат легко. Но под прямой укол лучше не подставляйся! Кольца порваться могут. И поминай тогда как звали! Ради облегчения позади плетение тоньше сделано, с размаху даже мечом прорубить возможно. Посему, почувешь опасность – крутись, али щит на спину забрасывай!

– Да помню, Копуша, помню, – кивнул княжич. – Ты меня сему все годы, сколь тебя знаю, учишь. Напрыгался с мечом вдосталь, не зазеваюсь.

– С учителем али с друзьями попрыгать, деревянной сабелькой махая, это одно, – наставительно произнес Пестун. – Ан в сече настоящей оказаться уж совсем другое.

– Поддоспешник! – встряхнул длинную, почти до колен, серую войлочную куртку Копуша. – Материал тут, сам видишь, в палец толщиной. Не всякий нож даже без кольчуги прорежет. Да еще на груди запах. Почитай, вдвое толщина увеличена. На спине же, опять выходит, все тоньше.

– Да я спину ворогу показывать и не собираюсь! – натянуто засмеялся Василий, в животе которого зашевелился какой-то неприятный холодок. Словно бы там появился голодный червячок, сосущий силы юного княжича.

– Прямо сейчас и надевай, – еще раз встряхнул поддоспешник дядька. – Дабы потом, коли нужда срочная возникнет, в броню скорее забраться.

– Да жарко же, Копуша! И чего я один среди всех в броне ходить стану?

– Жарко не холодно, – мотнул головой холоп. – Надевай!

– Лучше быть потным, да живым! – поддержал Копушу Пестун. – Давай, давай, застегивай!

Не дожидаясь ответа, они распустили воспитаннику ремень, сняли с него ферязь, накинули поверх рубахи поддоспешник, запахнули, зацепив медными крючками за петли на боку, опоясали. Княжич волей-неволей подчинился – но, едва вырвавшись из рук дядек, тут же ушел в царскую юрту.

К его удивлению, большинство татар здесь тоже сидели в поддоспешниках – кто в простых войлочных, как у него, либо в пухлых стеганых, прошитых для прочности проволокой и конским волосом, а иные – и в нарядных, крытых атласом и шелком, украшенных шитьем и парчовыми накладками. Такими поддоспешниками, в каковых и на царский прием явиться не стыдно.

Княжич попал на самый разгар воеводского совета – командиры отдельных тысяч и сотен оживленно спорили по поводу грядущей битвы.

– Нас больше почти впятеро! – горячо доказывал розовощекий воин лет тридцати, в пухлой атласной жилетке, прошитой ромбиками. Причем вместо нити там поблескивала серебряная проволока. – Развернуться широкой лентой, двинуться всем разом, охватить с краев, окружить да уничтожить!

– Черкесы тоже не дураки, бек Чалтан, – возразил ему умудренный опытом Нур-Берды, стоящий чуть позади и слева от государя. – Коли они увидят, что мы пытаемся их окружить, они сразу отпрянут и уйдут! И гоняйся потом за ними по всем землям, вместо того чтобы поход продолжать. А коли прозевать врага – отпустить, не уничтожив, – так опосля черкесы станут отряды наши тревожить и обозы походные разорять. Посему нельзя нам их упускать! Здесь, на месте, истребить надобно!

Тохтамыш, сидевший, поджав ноги, на ковре, молча перевел взгляд на другого татарина, могучего телом, особенно в области живота, непривычно желтолицего и с узкими раскосыми глазами. Тот кашлянул, пожал плечами:

– Выставить вперед малый отряд, остальные спрятать. Когда черкесы в сечу ввяжутся, главные силы в обхват пустить и пути отхода им отрезать!

– А то им неведомо, какова наша армия размером! – тут же возразил Нур-Берды. – Засадный полк – сия уловка всем давно известная, и черкесы ее будут ждать.

– Ты токмо ругаешь всех, мурза, а сам ничего не предлагаешь! – обиделся узкоглазый толстяк и обеими руками с силой дернул себя за ворот халата.

– Широким охватом надобно идти, – мрачно поведал седовласый Нур-Берды. – Не дожидаясь сечи, отправить на рассвете двадцать сотен степью по большой дуге и к вечеру за спину черкесам зайти, пути отхода накрепко заступив!

– А то у них дозоров в степи нет! – чуть ли не радостно подхватил желтолицый толстяк. – Заметят черкесы охватный отряд, развернутся да всей силой на него и обрушатся! А поскольку число воинов там выйдет равным, то удержать врага нашим нукерам не получится. Крови прольется много, сотни татар голов и животов лишатся, а черкесы все едино уйдут, и их придется ловить да искать по всем концам света! Посему коли уж охватывать, то здесь, на месте! Здесь мы всегда своим отрядам, в беду попавшим, помощь оказать сможем!

– Надобно просто в лоб ударить да изрубить! – неожиданно вмешался в спор юный Джелал ад-Дин, тоже переодетый в поддоспешник, и тоже в войлочный, однако с вышивкой по подолу. – Атаковать и бить, покуда все черкесы не кончатся! А побегут – так гнать и рубить!

Воеводы примолкли – спорить с сыном царя и наследником престола никто не рискнул.

Тохтамыш негромко хмыкнул, огладил ладонями лицо и негромко сказал:

– Однако сие есть самое разумное за весь вечер предложение. Ударить в лоб и стоптать! Правда, и в нем имеется сильный недостаток, Джелал. Коли атаковать врага в лоб, то потери твои выйдут никак не меньшими, нежели потери чужака. А главное искусство войны состоит в том, чтобы уничтожить армию врага, сохранив свою. Нукеры, каковым придется полечь в этой сече, мне надобны в Персии. Каждый меч и каждое копьё!

– Да, отец, – склонил голову Джелал ад-Дин.

– Да, государь! Да, великий царь! – подхватили его слова остальные воеводы.

– Скажи мне, старый воин, – вскинув руку, указал пальцем себе за спину Тохтамыш. – Если бы у тебя был малый отряд супротив большой армии, как бы ты сражался за свою победу?

Василий невольно поежился: «малый отряд» в понимании ордынцев был размером с полностью исполненное войско Московского княжества, считая сюда и ближних союзников.

– Я? – Воевода задумчиво потер пальцем кончик носа. – Вестимо, я бы всей силой ударил в сторону вражеской ставки. Коли зверю голову отсечь, то от тела прочего опасности нет, как бы сильно и когисто оно ни было. Коли повезет, может и получиться.

– А ты, бек Чалтан?

– Премудрый Нур-Берды глаголет истину.

– Ты, мурза Аластай?

– Истинно так, государь, – развел руками странный толстяк. – Надобно бить в голову.

– Вестимо, черкесы захотят того же самого, – огладил подбородок Тохтамыш. – Потребно им в сей задумке помочь. Завтра на рассвете мы выстроим всю армию, не оставляя засадных

полков, по плану бека Чалтана, в очень длинную, но тонкую ленту. Для окружения общим наступлением. Пусть черкесы увидят, что прорвать наш строй не составит большого труда. Ты, мой славный Нур-Берды, выбери в полках три сотни самых лучших лучников и поставь их пешими между ставкой и строем конницы. Черкесы их за всадниками не разглядят. И позаботься, чтобы колчаны сих лучников были полны, как никогда! Посмотрим, насколько хорошо черкесы умеют сражаться с ливнем стрел. На этом все, воеводы! Поезжайте к своим сотням, готовьте их к сече. С рассветом выстраивайтесь к битве!

Воеводы, склонившись перед повелителем, все дружно направились к входному пологу – Василий поспешно метнулся в сторону, к стене, пропустил татар мимо себя.

– О, княжич! Ты здесь, дружище! – Джелал подошел к московскому заложнику, крепко его обнял: – Ну что, брат, завтра деремся?

Нездоровый смешок, каковым сопровождалась эти слова, подсказал княжичу, что его друг тоже очень сильно волнуется.

* * *

Холопов в царскую юрту, понятное дело, не пускали. Но едва поутру Василий вышел за полог, как дядьки тут же его поймали, отвели в сторону, натянули через голову юшман, застегнули крючки на плече, затем насадили поверх войлочной тафьи туго сидящий остроконечный шлем, расправили бармицу, затянули ремни под подбородком.

– Вот, личину в сумку кладу, – показал маску с прорезьями для глаз Копуша. – Перед самой схваткой ее надевай. У наносника крепеж.

– Я помню...

– Щит вот с золотым львом на червленом поле, – показал выточенную из легкого тополиного теса «капельку» Пестун. – Ремни я проверил, прочные, сшито на совесть.

– Хорошо...

– В сечу не рвись, тебе в татарских распрях искать нечего. Себя, главное, блюди. Ну, и мы рядышком будем, коли что...

Однако быть с Василием рядом у дядек не получилось. В знатную свиту, что стояла под прикрытием разделенных на два полка телохранителей, худародных русских воинов не пустили – холопам пришлось остаться в стороне, позади ставки. Даже не в войске – а среди простых обозников, пришедших посмотреть на редкостное кровавое зрелище с ножами, да кнутами, и мешками заплечными. Драться возничие, коноводы да слуги не собирались – но вот пограбить после сражения были отнюдь не против.

Армия уже выстроилась поперек степи, когда царь Тохтамыш вышел из своей юрты, поднялся в седло вороного жеребца и в окружении ближайших советников, сыновей и самых близких слуг поскакал к замершим в строю нукерам. Сверкающие золотом и серебром доспехи, алые и желтые плащи, шелковые халаты, высокие бунчуки как государя, так и старших воевод... Даже самый глупый прохожий на много верст окрест обязательно заметил бы блеск невероятной роскоши и догадался, что на ратное поле выехала не просто еще одна ратная полусотня – а знатнейший из знатных властителей ойкумены!

– Мы слишком близко! – встревожился седовласый Нур-Берды, когда до линии ордынских всадников осталось всего лишь три сотни сажений.

– Черкесы должны видеть цель и верить в ее достижимость, – спокойно ответил Тохтамыш.

– Они заподозрят ловушку!

– Не заподозрят. У меня ведь впятеро больше войск! Я имею право на беспечность.

Ордынский царь натянул поводья только возле самых лучников, в двух сотнях саженей от передовых нукеров, и закрутил головой:

– Где мой щит? Я хочу, чтобы он был на луке седла! Мало ли, удача отвернется и дарует врагам шанс скрестить со мной клинки?

Василий от этих слов еще крепче взялся за рукоять своей «капельки», сдвинул ее вперед, прикрывая опускающимся вниз кончиком левую ногу.

Вместе с царевичами он стоял слева от Тохтамышша, почти вплотную. Ибо – являлся третьим по знатности человеком во всей татарской армии. Его не имели права обгонять даже царские телохранители – кроме особых случаев, разумеется. Но сейчас – личная охрана государя просто стояла недалеко в степи, пусть и на ратном поле. А значит, первое место, во главе свиты и армии, занимал правитель; второе – его первый наследник, Джелал ад-Дин, а третье – наследник трона соседней державы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.